

Т. Г. Иванова

РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ПУШКИНСКОГО ДОМА В 1917—1922 гг.

В истории Рукописного отдела 1917—1922 гг. определяются, с одной стороны, событиями общероссийского и даже мирового масштаба (Февральская и Октябрьская революции) и, с другой, — очень частным и мало кому известным переездом Пушкинского Дома из стен здания Академии наук на Университетской набережной на Тифлисскую улицу в помещение бывшего Архива Департамента таможенных сборов. Годы революции и Гражданской войны — это период драматический и одновременно решающий в становлении Пушкинского Дома и сложении его богатейших рукописных коллекций. Не все эпизоды его освещены в имеющейся литературе;¹ обращение к архивным источникам позволяет во многом по-новому осмыслить данный этап в жизни Рукописного отдела.

1

Основатель Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевский встречал 1917 год, нетерпеливо ожидая окончания войны, думая о постройке собственного здания для своего любимого учреждения (напомним, что существовал проект строительства специального здания на Петроградской стороне у съезда с Троицкого моста) и радуясь, что вокруг его детища объединяются культурные силы России. Именно этими настроениями дышат его письма декабря 1916—февраля 1917 г. «Третьего дня, — писал он в Москву 25 февраля 1917 г. библиофилу и издателю Льву Эдуардовичу Бухгейму, — от своего старого знакомого (еще с Пушкинской выставки 1899 г.) коллекционера Арк<адия> Арк<адье-

¹ Пушкинский Дом при Российской Академии наук: Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924; 50 лет Пушкинского Дома. М.; Л., 1956; *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом. 1905. 1930. 1980 (Исторический очерк). Л., 1980; Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982.

вича> Журавлева получил обещание передать в Пушкинский Дом частью теперь же, частью же по завещанию целый ряд прелестных музейных вещей <...>, множество автографов и книг... На днях приобретаем одно собрание автографов, где есть неизданный (!) Пушкин (правда, всего четверостишие), портрет Дельвига, автографы Шевченко, Радищева, Щербины, Некрасова, Полонского, Мея, А. Майкова и т. д.

Смешно будет дальнему нашему потомку, если письмо это дойдет до него: в Питере волнения, забастовка трамваев, по улицам патрули и казаки, толпы рабочих и манифестантов, нет хлеба, все злые и мрачные, а я „пою“ о Пушкинском Доме! Вот, скажут, чудаком-то был или сумасшедший, или маниак... Мне и самому совестно, да любовь к захватившей меня идее берет верх даже над не совсем сытым желудком».²

Однако очень скоро нестабильность политической обстановки вселила в сердца пушкинодомцев тревогу. 8 июня 1917 г. Б. Л. Модзалевский писал в Москву своему давнему знакомцу, уже известному в то время пушкинисту Михаилу Осиповичу Гершензону: «Какие мучительные и нечистоплотные роды Русской свободы! И не будет ли кровь новорожденной заражена неизлечимо или неисправимо?».³

Постепенно тревога сменяется отчаянием. 4 декабря 1917 г. в письме Б. Л. Модзалевского к другому его доброму знакомому, Федору Александровичу Витбергу, читаем: «Вы еще живы? Я уже не живу, а только существую и все боюсь сойти с ума. Стараюсь отвлекаться на работу, но это плохо мне удается».⁴

«Я очень болен душою, — пишет Б. Л. Модзалевский 19 января 1918 г. М. О. Гершензону, — и уже не нахожу никакой почвы для хотя бы малейшего оптимизма. До крайности обострилась неврастения, не могу ни работать бодро, ни из дому выходить: один вид первого пролетарского или солдатского лица повергает меня в мрак уныния и безнадежности. У Вас в Москве гнусно, но что делается здесь, уму непостижимо. Как будто весь свет, все и вся стали вверх ногами и головой вниз и думают уж той частью туловища, которая у человека, ставшего в такую позу, пришлась на месте головы... Живем полуголодные, одичалые, озлобленные и все ждем чего-то самого худшего, хотя каждый новый день приносимыми новостями как бы доказывает, что худшего уже ничего быть не может...».⁵

25 августа 1917 г. немцы оккупировали Ригу, обстановка на русско-германском фронте существенно ухудшилась. Временное правительство поставило вопрос об эвакуации из Петербурга ряда учреждений в Москву. Эвакуация касалась самого правительства, министерств, управления по делам милиции, Эрмитажа, а также Академии наук.

² Из переписки Б. Л. Модзалевского / Публ. Е. И. Семенова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 195.

³ Переписка Б. Л. Модзалевского с М. О. Гершензоном / Публ. Е. Ю. Литвин // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Борис Львович Модзалевский. Материалы к научной биографии. СПб., 2001. С. 340.

⁴ Переписка Б. Л. Модзалевского с Ф. А. Витбергом / Публ. А. Г. Носовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Борис Львович Модзалевский. Материалы к научной биографии. СПб., 2001. С. 219.

⁵ Переписка Б. Л. Модзалевского с М. О. Гершензоном / Публ. Е. Ю. Литвин. С. 343.

13 октября в газете «День» появилась подборка статей под шапкой «Эвакуация Петрограда». После интервью главноуполномоченного по эвакуации Н. М. Кишкина шла большая заметка под заглавием «Эвакуация Пушкинского Дома», в которой говорилось: «Из намеченных к эвакуации реликвий Пушкинского Дома следует упомянуть перстень с изумрудом Пушкина, принадлежавший великому князю поэту Константину Константиновичу, трубку поэта, его личную библиотеку, чернильницу Герцена, письменный стол Некрасова...

До боли жаль всех этих бесценных драгоценностей, быть может, обреченных всем „неожиданностям“ эвакуации в условиях нашего смутного времени!».⁶

Пушкинодомские ценности, в том числе рукописи великого поэта, лермонтовские документы и другие материалы надолго, до 1920—1921 гг., были вывезены в Москву в Исторический музей и в Саратов.

1917—1922 гг. — это драматичный период в истории Пушкинского Дома, но тем не менее, сколь бы кровавыми, холодными и голодными ни были годы революции и Гражданской войны, именно в это время произошло важное событие: Пушкинский Дом получил новый статус в рамках Академии наук, свой первый собственный штат научных работников и свое первое собственное помещение.

20 апреля (по новому стилю) 1918 г. Конференция (Общее собрание) Академии наук приняла постановление о придании Пушкинскому Дому статуса, равного другим учреждениям Академии (Библиотека, Зоологический музей, Кунсткамера и пр.). Пройдет еще целый год, пока это постановление будет претворено в жизнь и Пушкинский Дом получит право на создание своего первого официального штата. Однако на протяжении всего 1918 и 1919 г. Пушкинский Дом, спасая русскую интеллигенцию от голода, снабжает многих людей из своего окружения удостоверениями, дающими людям в глазах новой власти некий официальный статус. Например, 14 декабря 1918 г. подобное удостоверение было выдано В. Д. Комаровой (урожд. Стасовой):

«Дано сие писательнице Варваре Дмитриевне Комаровой на предмет получения продовольственной карточки I категории в том, что она состоит научной сотрудницей Пушкинского Дома при Российской Академии наук, в котором работает над описанием рукописей и музейных предметов, принадлежащих к научным коллекциям в библиотеке Дома, а потому имеет право на продовольствие по I категории».⁷ Такого же рода документы в 1918—начале 1919 гг. были выданы А. А. Петрову, В. А. Майкову, Н. Б. Глазбергу (Гласбергу), В. В. Никифорову, С. Н. Трофимову и многим другим.

На заседании Конференции, состоявшемся 5 апреля 1919 г., новое Положение о Пушкинском Доме и его штат были утверждены. Первое штатное расписание выглядело следующим образом: директор; старший ученый хранитель (он же заведующий Отделением рукописей); старший библиотекарь; хранитель музея; два хранителя рукописей;

⁶ Эвакуация Пушкинского Дома // День. 1917. 13 окт., № 188.

⁷ Петербургский филиал Архива Российской Академии наук, ф. 150, оп. 1 (1918), № 1, л. 4. Далее ссылки на материалы Архива даются в тексте: ПФА РАН.

библиотекарь; четыре научных сотрудника (два при Отделении рукописей, один при библиотеке, один по Дому вообще); правитель дел — всего 12 человек. Обратим внимание на то, что звание «хранитель» в данном штатном расписании много выше по значимости, чем звание «научный сотрудник» (это отражалось и на заработной плате). Создатели Пушкинского Дома понимали, что без сохранения историко-литературных памятников никакое их изучение невозможно.

В письме Б. Л. Модзалевского к Л. Э. Бухгейму, написанном в тот же день, 5 апреля, мы находим планы создателя Пушкинского Дома по поводу персонального состава: «Состав наш будет такой (если доживем): директор — Котляревский; старший ученый хранитель — Ваш покорный слуга и почитатель; старший библиотекарь — И. А. Кубасов; хранитель Музея — С. В. Штейн; хранители рукописей: Л. К. Ильинский и Н. Г. Богданова, библиотекарь — г-жа Е. П. Казанович; 4 научных сотрудника и правитель дел — всего 12 человек».⁸

В конечном счете первый состав штата Пушкинского Дома сложился иным образом. В Архиве Академии наук находятся несколько списков пушкинодомцев на разные даты 1919 г. В первом документе, предназначенном для Правления Российской Академии наук, помимо директора академика Н. А. Котляревского, было предложено «внести в список служащих Дома по вольному найму с 1 июля сего года:

1) в должности Старшего Ученого Хранителя Дома — Бориса Львовича Модзалевского, с окладом в месяц по 3120 руб.

2) хранителя Книжных Собраний — Ивана Андреевича Кубасова, с окладом в месяц 2760 руб.

3) хранителей рукописей Сергея Никитича Трофимова и Наума Борисовича Глазберга, с окладом в месяц каждому по 2760 руб.

4) научных сотрудников: Надежду Степановну Боткину-Враскую и Марию Леопольдовну Жоффрьо, с окладом в месяц каждой по 2424 руб.

5) правителя дел Пушкинского Дома Василия Васильевича Никифорова, с окладом в месяц по 2424 руб.

6) Федора Павловича Прощина, с вознаграждением за ведение письменных и счетных работ по 1200 руб.» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 19).

Буквально с первых дней существования Пушкинского Дома в новом статусе Дому пришлось защищать своих сотрудников от репрессий новой власти. 23 июня 1919 г. был арестован первый правитель дел (по современной терминологии, заведующий канцелярией и одновременно заместитель директора по общим вопросам) Пушкинского Дома В. В. Никифоров. Из стен Академии сразу же исходит документ в защиту своего сотрудника: «Так как В. В. Никифорову не представлено никаких обвинений, а он чрезвычайно нужен в настоящее время для работы по устройству Пушкинского Дома, только что получившему от Комиссариата Народного Просвещения новый штат и бюджетные средства, на которые приступлено уже к ремонту отведенного для До-

⁸ Из переписки Б. Л. Модзалевского / Публ. Е. И. Семенова. С. 196.

ма Советом Коммуны Северной области здания,⁹ — прошу Совет возбудить срочное ходатайство об освобождении В. В. Никифорова как необходимого научного работника, долженствующего нести общепольный труд на благо народного просвещения» (там же, л. 15). Проблема, по-видимому, была решена, и в дальнейшем В. В. Никифоров на протяжении некоторого времени во всех документах Пушкинского Дома значится правителем дел.

Уже на август 1919 г. состав Пушкинского Дома претерпел изменения: Н. А. Котляревский (директор), Б. Л. Модзалевский (старший ученый хранитель), И. А. Кубасов (старший библиотекарь), С. В. Штейн (хранитель Музея), Н. К. Козмин (хранитель рукописей), Е. П. Казанович (библиотекарь), Н. С. Боткина-Враская, М. Л. Чебышева, Б. И. Колпач, Б. В. Сайтов (научные сотрудники), В. В. Никифоров (правитель дел) (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 1, л. 37—38).

На 6 декабря 1919 г. список опять трансформировался. Хранителем книжных собраний (видимо, то же, что и старший библиотекарь) вместо И. А. Кубасова стал Сергей Николаевич Трофимов, принятый в Пушкинский Дом на должность хранителя рукописей 29 сентября 1919 г. Хранителем рукописей наряду с Н. К. Козминым числится Н. Б. Глазберг. Вместо научного сотрудника М. Л. Чебышевой, ушедшей из Пушкинского Дома в октябре 1919 г. (там же, л. 54), называется только что принятая Е. П. Населенко (там же, л. 81). 3 января 1920 г. С. В. Штейн значится ушедшим с должности хранителя Музея, и его место занимает Н. С. Боткина-Враская (там же, л. 83).

Все эти изменения в составе Пушкинского Дома и в передвижениях в пределах штатного расписания вызваны нестабильностью политической обстановки и голодом, царившим в Петрограде. Кто-то уезжал из города в другие регионы, где было более сытно; кто-то, не имевший подобной возможности, приходил в Пушкинский Дом, чтобы получить хоть какие-то средства к существованию. Все, кто мог, числились работающими по нескольким организациям, лишь бы получить право на продовольственный паек. Кто-то, как например, С. В. Штейн, эмигрировал из советской России.

Документы, находящиеся в Архиве Российской Академии наук, свидетельствуют о бытовых условиях, в которых существовали пушкинодомцы в пореволюционные годы. Сохранился, например, недатированный «Список лиц, желающих примкнуть к организации по закупке продуктов в Симбирской губернии», который можно отнести к 1920 г. В этом списке находим имена Н. А. Котляревского, против фамилии которого в графе «число едоков» стоит число «5», Варвары Николаевны Модзалевской (жена Б. Л. Модзалевского) (6 «едоков»), Бориса Владимировича Сайтова (3 «едока»), Надежды Степановны Боткиной (8 «едоков»), Василия Васильевича Никифорова (6 «едоков»), Евлалии Павловны Казанович (2 «едока»), Варвары Дмитриевны Комаровой (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 16).

⁹ Речь идет о здании Архива бывшего Департамента Таможенных сборов на Тифлисской ул. См. об этом ниже.

Весьма колоритен другой документ, отпечатанный на бланке с грифом «Пушкинский Дом при Российской Академии Наук» 13 февраля 1920 г.:

«В Райпродукт.

Пушкинский Дом просит Райпродукт срочно предоставить разрешение на покупку валенок и калош к ним старшему ученому хранителю Пушкинского Дома Борису Львовичу Модзалевскому, хранителю рукописей Дома Николаю Кировичу Козмину и правителю дел Дома Василию Рафаиловичу Барановскому, которые не имеют ни теплой обуви, ни исправных калош, а между тем вынуждены срочно произвести ряд срочных работ по сортировке ящиков с рукописями, книгами и коллекциями в холодных и сырых помещениях предоставленного Пушкинскому Дому старинного здания Архива бывшего Департамента Таможенных сборов <...>» (там же, л. 91).

Столь же горько впечатляюще выглядит следующее прошение: «Пушкинский Дом просит предоставить летнее пальто библиотечарю Пушкинского Дома Евлалии Павловне Казанович, удостоверяя, что она действительно нуждается в этом предмете одежды, ибо такового у нее вовсе не имеется» (там же, л. 99).

Хранение и обработка рукописей — хлопотное дело, требующее оберточной бумаги, папок, коробок, шкафов, полок и т.д. Всем этим в разоренной стране разжиться было непросто. 9 сентября 1920 г. Пушкинский Дом обращается в Отдел распределения учебных пособий и канцелярских принадлежностей при Народном комиссариате просвещения со следующей просьбой: «Пушкинский Дом Российской Академии Наук просит отпустить 100 канцелярских коробок, необходимых ему для хранения рукописей» (там же, л. 196). Сохранилась и просьба, обращенная в Петрокоммуну, о выделении трех бутылок чернил, пяти банок клея и 300 синих папок для хранения «весьма ценных в историческом отношении автографов и рукописей» (там же, л. 199).

Постепенно, с затуханием Гражданской войны, в существовании Пушкинского Дома намечается некоторая относительная стабильность, но штатный состав еще долгое время находится в постоянной трансформации. Список научных сил на 2 июля 1920 г. следующей: Н. А. Котляревский, Б. Л. Модзалевский; ученые хранители Н. К. Козмин и М. Л. Гофман; хранитель Музея Н. С. Боткина-Враская; библиотечар Е. П. Казанович; научные сотрудники В. Д. Комарова, Б. И. Коплан, В. И. Чернышев (пришел на место уволившегося Б. В. Сайтова 26 апреля — там же, л. 121), Е. П. Населенко, С. И. Ковалев (там же, л. 147).

По мере того, как появлялись какие-либо дополнительные деньги, Пушкинский Дом старался принять к себе на работу новых людей. Так, 10 августа 1920 г. помечено обращение в Правление РАН относительно шести ставок научных сотрудников для следующих лиц: Сергей Иванович Ковалев, Варвара Николаевна Модзалевская, Надежда Григорьевна Богданова, Елена Борисовна Покровская, Татьяна Николаевна Хохрякова, Ксения Владимировна Рубец (там же, л. 175).

Список пушкинодомцев на 13 ноября 1920 г. выглядит следующим образом. Помимо директора Н. А. Котляревского и старшего ученого хранителя Б. Л. Модзалевского, это вернувшийся из странствований по дорогам Гражданской войны И. А. Кубасов (ученый хранитель книжных собраний), Н. С. Боткина-Враская (хранитель Музея), М. Л. Гофман и Н. К. Козмин (хранители рукописей), Е. П. Казанович (библиотекарь); научные сотрудники, занимающиеся разборкой рукописей — Б. И. Коплан, Е. П. Населенко, В. Д. Комарова, В. И. Чернышев, С. И. Ковалев (в Пушкинском Доме с 1 июля 1920 г.), В. Н. Модзалевская (с 1 июня), Н. В. Измайлов (с 1 сентября), Е. Б. Покровская (с 1 июля), Б. М. Энгельгардт (с 1 октября), С. А. Шахматова (с 1 июля). Около фамилии С. Н. Трофимова помечено, что 15 октября он оставил службу на должности хранителя книжных собраний. В списке значатся также Н. Г. Богданова, служившая с 1 июня по 1 сентября научным сотрудником, и К. В. Рубец, работавшая на этой же должности с 1 июля по 1 октября (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 4, л. 57—58).

В ведомости на премирование за сверхурочные часы работы в период с 1 ноября по 1 декабря 1920 г. мы находим еще несколько имен. По-видимому, это сотрудники, которые на этот период находились вне штата. Это Николай Михайлович Орлеанский, которому поручались переписка по делам Рукописного отделения, инвентаризация рукописей и прочие виды работ, и Валентина Андреевна Щеголева, выполнявшая, по всей вероятности, подобные же виды работ (там же, л. 54, 71). Здесь же, на должности заведующего отделом, значится Михаил Владимирович Митроцкий (по-видимому, правитель дел Пушкинского Дома). В подобной же ведомости за январь 1921 г., помимо упоминавшихся выше, значатся имена старшего библиотекаря Евгении Александровны Милютиной, эмиссара Николая Васильевича Яковлева, помощника эмиссара Владимира Петровича Семенникова (там же, л. 80).

Список сотрудников Пушкинского Дома на 14 февраля 1921 г. включает в себя следующих лиц: старший ученый хранитель Б. Л. Модзалевский (имя директора Н. А. Котляревского дается по умолчанию); ученые хранители рукописей М. Л. Гофман, Н. К. Козмин, Б. И. Коплан, В. И. Чернышев; хранитель Музея Н. В. Измайлов; хранитель книжных собраний И. А. Кубасов, его помощник Е. П. Казанович и старший библиотекарь Е. А. Милютина; научные сотрудники II разряда Е. П. Населенко, В. Д. Комарова, С. И. Ковалев, В. Н. Модзалевская, Е. Б. Покровская, Б. М. Энгельгардт, С. А. Шахматова, Н. М. Орлеанский, С. Ф. Платонов (не академик; указан год рождения — 1898); заведующий отделом М. В. Митроцкий; корреспонденты В. Б. Враская и В. А. Щеголева. Кроме того в списке мы находим и штат хозяйственной части: младшие служащие П. И. Ковалев и А. А. Тихонов; помощник заведующего отделом Н. И. Драмов-Петров; заведующая хозяйственной частью О. Н. Гофман-Никольская (жена М. Л. Гофмана); заведующий финансовой частью Ф. П. Прошин. В самом низу списка значатся эмиссар Н. В. Яковлев и помощник эмиссара В. П. Семенников (там же, л. 1).

В другом (недатированном) документе, который мы относим к лету 1921 г., опять находим некоторые изменения и в списке пушкинодомцев, и в их должностных обязанностях. Б. Л. Модзалевский — старший ученый хранитель; Лев Николаевич Перетц — заведующий отделом. М. Л. Гофман — заведующий книжными собраниями; его помощник Е. П. Казанович; старший библиотекарь Е. А. Милютина. Ученые хранители (рукописей) — Н. К. Козмин, В. И. Чернышев, Б. И. Коплан, Н. В. Измайлов. Хранитель Музея — П. Е. Рейнбот; его помощник — А. П. Штакельберг (на 1917 г. он был правителем дел канцелярии Академии наук). Эмиссар — Н. В. Яковлев; его помощник — М. Д. Беляев. Научные сотрудники — В. Н. Модзалевская, В. Д. Комарова, С. И. Ковалев, Н. М. Орлеанский, С. А. Шахматова, Е. Б. Покровская, Б. М. Энгельгардт, Е. П. Населенко, и помимо них, еще новые имена: З. В. Пушкарева, П. А. Горчинский (там же, л. 134).

На октябрь 1921 г., когда пушкинодомцы заполняли спущенные свыше анкеты, появляется еще ряд лиц. Георгий Петрович Блок числится хранителем рукописей (там же, л. 22); Борис Викторович Томашевский и Петр Митрофанович Устимович — научными сотрудниками (там же, л. 23, 38).

Как бы то ни было, уже в 1920 г. в Пушкинском Доме сформировалась группа лиц, ставших главными фигурами в деле комплектования Рукописного отдела и описания рукописей. Помимо Б. Л. Модзалевского и Н. А. Котляревского, непосредственно занимавшихся разбором поступавших материалов, это были В. Д. Комарова, М. Л. Гофман, Н. В. Измайлов и Б. И. Коплан. Именно таков, по-видимому, основной костяк Отделения рукописей в 1920—1922 гг. Однако, повторяем еще раз, разборкой рукописей в те времена занимались практически все, кто числился на должности научных сотрудников.

Варвара Дмитриевна Комарова (1862—1942) происходила из семьи Стасовых, оставивших яркий след в русской культуре; она была женой высокопоставленного лица — генерала-от-инфантерии Н. Н. Комарова. В. Д. Комарова, известная как писатель (псевд. Влад. Каренин), — автор романа «Муся» (журнальная публикация 1888; отд. изд.: СПб., 1911), сборника «Стрекозы (Рассказы и сказки)» (СПб., 1916). С 1892 г. она, познакомившись с невесткой Жорж Санд, начала собирать материалы о знаменитой французской писательнице. Биографический том «Жорж Санд, ее жизнь и произведения» (СПб., 1899), подготовленный ею, был удостоен Пушкинской премии. В дореволюционные годы в разных журналах В. Д. Комарова опубликовала часть эпистолярного наследия своего дяди, знаменитого критика В. В. Стасова — его переписку с П. И. Чайковским, А. К. Лядовым, Н. А. Римским-Корсаковым и др.¹⁰

Именно через В. Д. Комарову в Пушкинский Дом поступил обширный и многообразный архив Стасовых (ф. 294); ею же он был и описан. Сотрудницей Пушкинского Дома В. Д. Комарову можно считать с 1918 г., когда ей было выдано удостоверение, подтверждающее ее пра-

¹⁰ Носов А. А. Комарова Варвара Дмитриевна // Русские писатели. 1800—1917: Биогр. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 42—43.

во на паек I категории. В штатных списках ее имя появляется со 2 июля 1920 г. С 1924 по 1932 г. она являлась ученым хранителем. В 1920-е гг. В. Д. Комарова подготовила к печати два больших труда: «В. Стасов. Очерк его жизни и деятельности» (Л., 1927. Ч. 1—2) и «Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. 1878—1906» (Л., 1929; совм. с Б. Л. Модзалевским). В 1926 г. В. Д. Комарова выезжала в командировку в Париж на чествование памяти Жорж Санд (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 272 и далее). В. Д. Комарова — одна из немногих представителей первого поколения пушкинодомцев, кому удастся пройти через «академическое дело» 1929—1931 гг. с наименьшими потерями. Благоприятным образом, по-видимому, сказалось ее родство с видным деятелем Коммунистической партии Еленой Дмитриевной Стасовой.

Модест Людвигович Гофман (1887—1959) закончил I Петербургский кадетский корпус, а затем учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета (1905—1910). Он был вхож в творческую среду лучших представителей «серебряного века»: тесно связан с Вяч. Ивановым, вел знакомство с А. А. Блоком, С. М. Городецким, А. М. Ремизовым, пытался сам выступать на поэтическом поприще (сборники «Кольцо. Тихие песни скорби». СПб., 1907; «Гимны и оды». СПб., 1910), писал критические статьи о современной ему литературе («Книга о русских поэтах последнего десятилетия». СПб.; М., 1909). После окончания университета М. Л. Гофман был оставлен при кафедре истории русской литературы для подготовки к профессорскому званию, активно участвовал в работе Пушкинского семинария, руководимого С. А. Венгеровым. Здесь и проявились его научные интересы, связанные с литературой первой половины XIX в. Наиболее значительный труд М. Л. Гофмана дореволюционного времени — издание им Полного собрания сочинений Е. А. Боратынского (СПб., 1914—1915. Т. 1—2).

С Пушкинским Домом М. Л. Гофман оказался связан уже в самом начале 1910-х гг. Еще до революции он принимал активное участие в деле пополнения пушкинодомских коллекций. Летом 1913 г. именно он переправил в Петербург библиотеку с Тригорского, полученную им от С. Б. Вревской. Им же был опубликован дневник А. Н. Вульфа и документы из архива Вревских («Пушкин и его современники». Пг., 1916. Вып. 21—22; весь выпуск подготовлен М. Л. Гофманом). Имя М. Л. Гофмана, как человека, привлекаемого для разборки рукописей, называется Н. А. Котляревским в одном из документов дооктябрьского периода.

1917—начало 1920 гг. М. Л. Гофман провел в Чернигове, где своей журналистской деятельностью привлек к себе внимание местной ЧК. Тогда же ему удалось опубликовать несколько книг: «Поэзия К. Ф. Рыльева» (1917), «Пушкин. Его общественно-политические взгляды и настроения» (1918), «А. С. Пушкин» (1919), «Деревня в произведениях Некрасова» (1919).

Весной 1920 г. М. Л. Гофман вернулся в Петроград и с 1 апреля уже числился в списках Пушкинского Дома. Б. Л. Модзалевский предложил своему младшему коллеге место хранителя рукописей. В доклад-

ной записке Б. Л. Модзалевского в Правление Академии говорилось: «Ввиду отказа Н. Б. Глазберга от должности хранителя рукописей Пушкинского Дома прошу Правление зачислить на это место с 1 апреля с<его> г<ода> Модеста Людвиговича Гофмана» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 116). Вскоре М. Л. Гофман, человек деятельный и энергичный, становится в Пушкинском Доме по сути дела третьим лицом после Н. А. Котляревского и Б. Л. Модзалевского.

Уже в послеоктябрьский период М. Л. Гофман много сделал для пополнения пушкинодомских коллекций. Летом 1920 г. именно он вместе с Е. П. Казанович привез из подмосковного имения Ивановское, принадлежавшего до революции княгине А. М. Козловской, ценнейший архив и библиотеку отца владелицы — М. Н. Лонгинова. М. Л. Гофман же, заменяя Б. Л. Модзалевского как полномочного представителя Академии наук в Особой комиссии по разбору ценностей и документов, изъятых из сейфов бывших частных банков Петрограда, отбирал для Пушкинского Дома документы, представляющие историко-литературный интерес.

В Петрограде вышла книга М. Л. Гофмана «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине» (Пг., 1922), в которой критически пересматривалось многое в сложившейся традиции текстологического изучения пушкинских текстов.

В июле 1922 г. М. Л. Гофман отправился в командировку в Париж для возобновления договора Пушкинского Дома с А. Ф. Онегиным (Отто). Встреча М. Л. Гофмана с А. Ф. Онегиным в его пушкинском «музейчике» состоялась 5 сентября, а 7 декабря, после напряженных переговоров, охранная опись музея и новый договор были зарегистрированы у нотариуса. Заграничная командировка обернулась эмиграцией. В Париже М. Л. Гофман продолжал напряженно работать, выпуская одну за другой книги: «Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже» (1926), «Пушкин. Психология творчества. (Вторая глава науки о Пушкине)» (1928), «Пушкин — Дон-Жуан» (1935) и др.¹¹ После смерти М. Л. Гофмана остались его трудночитаемые записки, многие страницы которых посвящены Пушкинскому Дому.¹²

Николай Васильевич Измайлов (1893—1981), пришедший в Пушкинский Дом 1 сентября 1920 г. на место перешедшей в Библиотеку Академии наук Н. Г. Богдановой (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 190), вскоре стал одной из ключевых фигур в Рукописном отделе, лицом легендарным для нынешнего поколения пушкинодомских архивистов. Перу Н. В. Измайлова принадлежат воспоминания,

¹¹ Богомолов Н. А. Гофман Модест Людвигович // Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 5—6; Марченко Т. В. Гофман Модест Людвигович // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918—1940. Писатели Русского Зарубежья. М., 1997. С. 141—142.

¹² Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому / Публ. Т. И. Краснобородько, при участии В. Р. Гофмана // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 180—238.

рисующие колоритные картины из жизни Пушкинского Дома 1920—1928 гг.¹³

Родившийся в семье юриста, Н. В. Измайлов после окончания Тенишевского реального училища поступает на историко-филологическое отделение Петербургского университета (1911). Здесь он, как и М. Л. Гофман, участвует в работе Пушкинского семинария С. А. Венгерова. Учеба была прервана Первой мировой войной, во время которой Н. В. Измайлов сначала был начальником санитарного транспорта (1914—1915), а затем служил прапорщиком в артиллерийской бригаде (1916—1917). Вернуться в университет ему удалось только в конце 1917 г.; закончил — в декабре 1918 г.

В Пушкинский Дом Н. В. Измайлов сначала пришел как читатель. После окончания университета его предполагали оставить при кафедре. Темой будущего магистерского сочинения по совету заведующего кафедрой С. А. Адрианова он избрал жизнь и деятельность известного критика и переводчика Василия Петровича Боткина. В поисках неизданных материалов (письма Боткина к братьям, к И. С. Тургеневу, к художнику К. А. Горбунову) Н. В. Измайлов явился осенью 1918 г. на третий этаж здания Академии наук, где находился Архив Конференции Академии, заведующим которого являлся Б. Л. Модзалевский, и где на тот момент хранились пушкинодомские сокровища. В сентябре 1920 г. Б. Л. Модзалевский пригласил запомнившегося ему читателя в Пушкинский Дом на должность научного сотрудника. В 1921 г. Н. В. Измайлов уже стал одним из ученых хранителей рукописей, а в 1924 г. — заведующим Отделением рукописей.

В 1920-е гг. в стенах Пушкинского Дома Н. В. Измайлов вырос в крупного пушкиниста (см.: Пушкин. Очерк жизни и творчества. Л.; М., 1924; Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Л., 1927; совм. с М. Д. Беляевым, Б. Л. Модзалевским и Б. В. Томашевским). В 1929 г. он был арестован по «академическому делу» и отправлен в Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь. Вернулся в Ленинград в 1934 г.; в 1939—1941 гг. преподавал на филологическом факультете университета. В самом начале войны ученый эвакуировался в г. Чкалов (Оренбург), где продолжил преподавательскую деятельность в местном педагогическом институте. В 1943 г. Н. В. Измайлов в Москве в Институте мировой литературы защитил кандидатскую диссертацию о творчестве Пушкина. В сентябре 1953 г. он вернулся в Ленинград, где во время блокады погибли от голода его жена и сестра. С марта 1955 г. Н. В. Измайлов опять становится сотрудником Пушкинского Дома — Института русской литературы, а в течение 1957—1970 гг. — заведующим его Рукописным отделом.

Борис Иванович Коплан (1898—1942) в списках пушкинодомцев появился с 1920 г. Студент Петроградского университета (1917—1921), он поначалу не занимал в Пушкинском Доме ведущих ролей. На 2 июля он значится научным сотрудником. Жестокая необходимость за-

¹³ *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 272—346.

ставляла его совмещать учебу в университете и работу в Пушкинском Доме с преподаванием в одной из школ (1920—1924). Тем не менее очень скоро Б. И. Коплан становится незаменимым сотрудником Пушкинского Дома. «Безграничная любовь и преданность Пушкинскому Дому была, кажется, основной чертой его характера и составляла смысл его жизни», — писал о нем в своих воспоминаниях Н. В. Измайлов.¹⁴

Уже в списках на 14 февраля 1921 г. Б. И. Коплан именуется ученым хранителем Отделения рукописей. Именно так, решая вопрос о пушкинодомских выставках, посвященных Ф. М. Достоевскому и Н. А. Некрасову, представляет его Б. Л. Модзалевский почетному академику А. Ф. Кони в одном из своих писем 25 октября 1921 г.: «Будьте добры передать все, что Вы отобрали для выставки, подателю сего, моему помощнику и хранителю рукописей Пушкин<ского> Дома Борису Ивановичу Коплану. Он довезет все до нас в сохранности — в этом я ручаюсь».¹⁵

В августе 1926 г. Б. И. Коплан побывал в Тверской губернии — с целью обследования архивных материалов знаменитого просветителя, архитектора и литератора Н. А. Львова (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 277). Специалист по литературе XVIII—начала XIX вв., он оставил подробное описание всех материалов этого периода, выявленных в разных фондах РО ИРЛИ. По сути дела это своеобразный каталог, построенный по алфавиту персоналий. 11 переплетенных томов этого описания находятся в настоящее время в учетном секторе РО ИРЛИ и служат ценным справочником. Б. И. Коплан уже в середине 1920-х гг. стал и секретарем (по современной терминологии — ученым секретарем) Пушкинского Дома.

Б. И. Коплан участвовал во многих пушкинодомских трудах: «Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина» (Пб., 1922); «Некрасов. Неизданные стихотворения, варианты и письма. Из рукописных собраний Пушкинского Дома при Российской Академии наук» (Пг., 1922); «Радуга. Альманах Пушкинского Дома» (Пб., 1922); «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пушкин. Дельвиг. Крылов. Жуковский. Тургенев. Писарев. Герцен. Чернышевский. Полонский. Стасов. Л. Толстой» (Пг., 1922); «Литературные портфели. Статьи, заметки и неизданные материалы по новой русской литературе из собраний Пушкинского Дома. I. Время Пушкина» (Пб., 1923); «А. Н. Радищев. Материалы и исследования» (М.; Л., 1936). В 1924 г. он совместно с Н. В. Измайловым составил путеводитель по Рукописному отделению для коллективной книги «Пушкинский Дом при Российской Академии наук: Исторический очерк и путеводитель» (Л., 1924).

Как и Н. В. Измайлов, Б. И. Коплан был арестован во время «академического дела» и выслан из Ленинграда. Его жена, Софья Алексеевна Шахматова-Коплан, дочь академика А. А. Шахматова, последо-

¹⁴ Там же. С. 292.

¹⁵ Переписка Б. Л. Модзалевского с А. Ф. Кони / Публ. Л. Д. Зародовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Борис Львович Модзалевский. Материалы к научной биографии. СПб., 2001. С. 368.

вала за ним в Ульяновск. В Ленинград Б. И. Коплан смог вернуться только в ноябре 1933 г. Но в стенах Пушкинского Дома ему уже больше не довелось работать. В тридцатые годы он трудился по договорам в редакции «Библиотеки поэта», Детиздате и других издательствах. Во время войны ученый был второй раз арестован и скончался в тюрьме.

Таковы судьбы тех людей, кто в самом начале 1920-х гг. составили костяк Рукописного отдела Пушкинского Дома и кого мы по праву можем считать первым поколением пушкинодомцев.

2

Помимо формирования штатов, Пушкинский Дом в пореволюционные годы занимался еще и освоением своих первых собственных помещений. Начиная с 1914 г., когда в связи с Первой мировой войной большая часть здания Академии наук была передана под военный госпиталь, коллекции Пушкинского Дома в запакованном виде хранились в разных концах этого кваренгиевского творения. Рукописные собрания в 1918 г. находились на третьем этаже Академии наук в помещениях Архива Конференции. Об этом свидетельствует, как упоминалось выше, в своих воспоминаниях Н. В. Измайлов.¹⁶

В 1919 г., после закрытия госпиталя, пушкинодомские коллекции уже размещались на втором этаже здания Академии наук — в анфиладе помещений, выходящих на Неву, и в большом конференцзале «под диплодоком» (слепок скелета огромного ящера, находящийся в этом же помещении). Н. В. Измайлов вспоминал: «Здесь-то, под „сенью диплодока“ (как говорил Борис Иванович Коплан), размещалось разнообразное имущество Пушкинского Дома: множество шкафов, шкафчиков, секретеров, бюро, полки с картонными коробками образовывали запутанную сеть, а между ними стояли в разных местах письменные столы сотрудников. В дальнем углу зала из тех же шкафов и полки был устроен особый „закуток“, служивший кабинетом и рабочим местом Нестору Александровичу Котляревскому. Здесь он работал — всегда в своем неизменном широком темносинем халате, разбирал коллекции гравюр, литографий, портретов и иллюстраций, систематизируя их и определяя; разбирал особенно близкие его сердцу архивы, через него поступившие в Пушкинский Дом и еще не занесенные в инвентарь до окончания их разборки, потому что при этом Н. А. откладывал и даже уничтожал те материалы, которые считал слишком интимными, не имеющими общественно-литературного или исторического значения или могущими компрометировать других лиц...».¹⁷ В зимние месяцы 1920/1921 и 1921/1922 гг., когда помещения Академии наук не отапливались, пушкинодомцы разбирали рукописи в квартире покойного академика А. А. Шахматова, расположенной в этом же здании в нижнем этаже под Малым конференцзалом.

¹⁶ Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. / Публ. Н. А. Прозоровой. С. 284—285.

¹⁷ Там же. С. 287.

Летом 1920 г. Пушкинскому Дому был передан особняк С. С. и М. П. Абамелек-Лазаревых на Миллионной ул., д. 22. На протяжении нескольких лет он использовался как выставочное помещение, но собрание рукописей сюда не перевозилось. Оно оставалось в стенах Академии наук. И только ранней осенью 1922 г., когда Пушкинский Дом наконец-то смог отремонтировать переданное ему еще в 1919 г. здание Архива бывшего Департамента таможенных сборов на Тифлисской улице,¹⁸ рукописи и другие коллекции покинули здание Академии наук. Н. В. Измайлов так описывает размещение Рукописного отдела в новом помещении: «Нижний этаж состоял из амбаров, запертых тяжелыми железными дверями, под аркадами, на которые опирался верхний этаж. Последний делился вдоль на две неравные части: со стороны двора довольно узкая галерея, с улицы — шесть залов <...> Посередине — большая лестница <...> Галерея слева от входа была занята Рукописным отделом. Вдоль внутренней стены стояли полки с картонками (на открытых полках) или просто с уложенными в закрытых шкафах рукописями (картонок не хватало <...>). В нише у входа был поставлен <...> несгораемый шкаф (сейф), в котором хранились автографы Пушкина. У окон стояли, друг к другу в затылок, письменные столы сотрудников отдела; тут же сажали и читателей — в то время немногочисленных».¹⁹

Так, с осени 1922 г. и до осени 1927 г., когда произошел переезд Пушкинского Дома в нынешнее здание на набережной Макарова (бывшая Таможня), размещались его рукописные коллекции.

3

Формирование штатов и освоение своих собственных помещений было только внешней стороной существования Пушкинского Дома в первые пооктябрьские годы. Сутью его жизни было совсем иное — собирание архивных и музейных материалов. Во вздыбленной политическим хаосом стране, в холодном и голодном Петрограде, строгое классицистическое здание Академии наук, построенное в конце XVIII в. на берегах Невы архитектором Джакомо Кваренги, становится центром притяжения русской интеллигенции, не желающей, несмотря ни на что, забывать о своих корнях и по-прежнему трепетно относящейся к хрупким листочкам бумаги, хранящим память о глубинных пластах русской культуры. Страх потерять документы, составлявшие семейно-родовую ценность, заставлял многих частных лиц, покидавших революционный Петроград, передавать свои архивы на временное хранение в Пушкинский Дом. Это учреждение, осененное авторитетом покойного великого князя Константина Константиновича и здравство-

¹⁸ План расположения этого здания на «академическом» пятачке Васильевского острова см. в опубликованном письме Б. Л. Модзалевского к Л. Э. Бухгейму: Из переписки Б. Л. Модзалевского / Публ. Е. И. Семенова. С. 197.

¹⁹ *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. / Публ. Н. А. Прозоровой. С. 296—297; см. план здания в кн.: Пушкинский Дом. Основан в 1905 году. Л., 1925.

вавших Н. А. Котляревского и Б. Л. Модзалевского, представлялось надежным хранилищем, которое не пострадает ни при какой власти.

Осенью 1917 г. одна из газетных заметок сообщала о поступлениях последнего времени: «В Пушкинский Дом продолжают поступать все новые и новые ценности. Бывший лейб-медик Л. Б. Бертенсон обогатил собрание Дома автографами Г. И. Успенского, Я. П. Полонского, Достоевского, Шелгунова, Шеллера-Михайлова, Н. С. Курочкина. Почетный академик А. Ф. Кони передал новую часть своего неистощимого исторического и литературного архива, в котором имеется переписка его отца, Ф. А. Кони, с Гребенкой, Щербиной, Галаховым, бароном Розеном, Неверовым, Ишимовой.

Из личного своего архива А. Ф. Кони пожертвовал все письма к нему Льва Толстого, Максима Горького, А. Н. Апухтина, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, Достоевского, В. Г. Короленко и друг. В. Г. Градовский передал Пушкинскому Дому архив своего отца, Г. К. Градовского, известного публициста, основателя кассы взаимопомощи. Между прочим в нем имеются письма Льва Толстого, С. А. Толстой, Фофанова, Дрожжина, Боборыкина, Леонида Андреева, К. К. Арсеньева, Тихонова-Лугового. Издатель журнала „Старые годы“ П. П. Вейнер передал письма известного мемуариста Вигеля из Кишинева пушкинской поры.

Кроме отдельных поступлений от баронессы М. Д. Врангель, Б. Л. Модзалевского, на днях получена часть литературного архива Т. Л. Щепкиной-Куперник с письмами Савиной, Стрепетовой, Федотовой, Репина, Мирры Лохвицкой, В. Гольцева и т. д. К числу этого рода „молодых архивов“ следует отнести архив недавно умершего драматурга и беллетриста Ю. Д. Беляева.

Ф. А. Витберг пожертвовал Дому свой личный архив, в который входят письма Герцена к знаменитому архитектору А. А. Витбергу, автору неосуществившегося грандиозного проекта храма Христа Спасителя, а также ряд альбомов и отдельных рисунков этого художника и бумаг, касающихся постройки храма. Командированный в поисках историко-литературного материала по провинции сотрудник А. С. Поляков привез ценный архив издателя первого посмертного собрания сочинений Пушкина, Анненкова, где имеется его большая переписка со всеми корифеями 40—60-х годов».²⁰

Полный список поступлений 1917—1919 гг. можно найти в Отчетах Отделения русского языка и словесности.²¹ Богатую информацию о комплектовании в 1917—1922 гг. дают архивные материалы фонда 150 (делопроизводство Пушкинского Дома) из Петербургского филиала Архива Российской Академии наук, на которые мы уже ссылались, восстанавливая штатный состав Пушкинского Дома. Отдельные све-

²⁰ Эвакуация Пушкинского Дома // День. 1917. 13 окт., № 188.

²¹ Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1917 год / Сост. Н. А. Котляревский. Пг., 1917. С. 3—16; Отчет... за 1918 год / Сост. И. С. Пальмов. Пг., 1919. С. 20—26; Отчет ... за 1919 год / Сост. Н. К. Никольский. Пг., 1921. С. 33—49. В дальнейшем в нашей статье специальных отсылок к Отчетам при упоминании отдельных эпизодов в комплектовании РО ИРЛИ не дается.

дения можно почерпнуть из делопроизводства РО ИРЛИ. Наконец, колоритные картины собирательской работы нарисованы в воспоминаниях Н. В. Яковлева.

Все поступления времен революции и Гражданской войны условно можно разделить на три группы: 1) пожертвования и покупки, сделанные у частных лиц внутри Петрограда; 2) передача материалов из петроградских музеев, издательств, общественных организаций, банков, прекративших свое существование в революционный период; 3) приобретения от частных лиц и учреждений, расположенных вне бывшей столицы Российской империи.

Следует отметить, что в голодные годы Гражданской войны Пушкинскому Дому удавалось не только принимать материалы в дар, но порой и оплачивать их. Некоторые ассигнования выделялись органами советской власти, среди представителей которых на тот момент было немало образованных людей. Приобретения-покупки имели двойной нравственный смысл: они помогали сохранить духовные ценности, памятники культуры, принадлежащие русскому народу, и нередко спасали от голодной смерти их владельцев, ставших «бывшими» в своей стране. В Архиве Академии наук сохранился черновик доверенности на получение денег, выданный И. А. Кубасову: «Доверенность. Дана сия Ивану Андреевичу Кубасову в том, что он уполномочен мною получить из Комиссариата Народного Просвещения чек на 70 000 (семьдесят тысяч) рублей для приобретения рукописей для Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. 21 ноября 1919 г. № 2764» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 78). Подпись на черновом документе отсутствует.

Первый путь поступления новых материалов в Пушкинский Дом — от частных петроградских владельцев — был самый массовый. Характерно следующее письмо Л. Б. Бертенсона, еще дореволюционного дарителя Пушкинского Дома, помеченное 10 сентября 1917 г. и обращенное к Б. Л. Модзалевскому:

Глубокоуважаемый Борис Львович!

При ликвидации своего добра по случаю отъезда я, при разборе писем, еще нашел целый ряд таких, которые, я полагаю, могут пригодиться для Пушкинского Дома. В приложении Вы найдете следующее:

1) Письма ко мне (Я. П. Полонского, А. Жемчужникова, В. В. Розанова, Ц. А. Кюи, Н. Лейкина, Д. Мережковского, О. Чюминой-Михайловой и записка-автограф А. П. (так! — *Т. И.*) Куприна, в которой он называет себя поручиком).

2) Письмо кн. Вяземского к графу Алексею Толстому.

3) Письмо кн. В. Одоевского к Болеславу Маркевичу.

4) Письмо Репина на имя графини Мерси-д'Аржанто.

5) Письмо Болеслава Маркевича к гр. А. Толстому.

6) Автограф Миклухо-Маклая (записка на имя В. П. Буренина).

7) Серия писем на имя Пешковой-Толиверовой, а именно: Г. Успенского, Л. Шелгунова, Н. Курочкина, Ф. Достоевского, Т. Пассек,

Крестовского-псевдонима, графа Салиаса, А. Н. Пыпина, М. Микешина, Марка Вовчока, А. Шеллера (Михайлова), И. Сурикова.

Относительно последней серии считаю долгом обратить Ваше внимание, что так как А. Н. Пешкова-Толиверова еще находится в живых, то письма, адресованные на ее имя, еще не могут быть использованы для печати.

С искренним уважением и преданностью Л. Бертенсон.

(ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1899), № 1, л. 99)

От Михаила Дмитриевича Беляева, будущего пушкинскомца, в 1917 г. поступил архив его покойного брата, писателя и драматурга Юрия Беляева (1876—1917) (ныне: ф. 24).²² Среди материалов, помимо рукописей самого фондообразователя, были письма Л. Н. Толстого, Е. А. Салиаса, А. В. Сухова-Кобылина, А. И. Куприна, А. В. Амфитеатрова и др.

От Е. А. Кигн тогда же был принят архив писателя Владимира Людвиговича Кигна (псевд. Дедлов) (1856—1908): его стихотворения, рассказы, корреспонденции времен русско-японской войны, письма В. М. Васнецова, М. В. Нестерова, Л. О. Пастернака, И. Е. Репина, А. П. Чехова и др. (ф. 127).

Вера Васильевна Котляревская, первая жена Н. А. Котляревского,²³ передала комплекс писем к ней разных лиц, среди которых был и великий князь Константин Константинович (ф. 135).

В 1917 г. было приобретено Пушкинским Домом собрание автографов, принадлежавшее Александру Алексеичу Корсуну (1818—1891): материалы В. Г. Бенедиктова, П. А. Вяземского, Г. Р. Державина, В. Ф. Одоевского, Ф. И. Тютчева, Н. Ф. Щербины и др. (ф. 351).

Через баронессу Марию Дмитриевну Врангель (урожд. Дементьеву-Майкову; 1857—1944), мать покойного историка искусства Николая Николаевича Врангеля (1880—1915; ф. 60) и известного деятеля белого движения Петра Николаевича Врангеля, другая баронесса, Софья Михайловна Энгельгардт, в 1917 г. передала визитную карточку А. С. Пушкина, письма Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. А. Дельвига, В. И. Даля, И. С. Тургенева, А. А. Краевского, А. Н. Майкова, Л. Н. Толстого, А. А. Фета, Я. П. Полонского, А. А. Голенищева-Кутузова и др. В дальнейшем М. Д. Врангель, добрый друг Пушкинского Дома еще с дореволюционных времен, неоднократно способствовала пополнению его коллекций. Так, в 1918 г. через нее поступили материалы поэта и юриста Сергея Аркадьевича Андреевского (1847—1918) (ф. 638), скончавшегося в октябре месяце. Также через посредство М. Д. Врангель от Александры Петровны

²² В дальнейшем указание на номер фонда приводится лишь в том случае, если поступившие материалы составили отдельный фонд. Случаи, когда документы вошли в Разряд I (отдельные поступления) или были присоединены к другим фондам, специально не оговариваются.

²³ Кузьмина Л. И. В. В. Пушкарева-Котляревская // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 24—32.

Араповой (1845—1919), урожденной Ланской, дочери Н. Н. Пушкиной-Ланской, поступили ее «Воспоминания» — весьма спорные, но имеющие свою историко-культурную ценность.

М. Д. Врангель прожила в Петрограде до конца 1920 г., служа в Музее города (Аничков дворец) на разных должностях (эmissар, научный сотрудник, хранитель). С февраля 1920 г., когда П. Н. Врангель стал главнокомандующим вооруженными силами юга России, ее положение стало чрезвычайно опасным. В своих письмах к мужу, покинувшему Петроград еще в 1918 г., она, уже выбравшись из России в Финляндию, писала: «Мои доброжелатели заволновались. Некоторые предлагали мне переменить паспорт, другие переехать в окрестности (Петрограда. — *Т. И.*). Одна организация предложила ежемесячно меня субсидировать из каких-то сумм Колчака, чтобы я оставила службу; два больших учреждения в память Коки (Н. Н. Врангеля. — *Т. И.*) также предложили свою помощь».²⁴ Из соображений безопасности тех, кто оставался в советской России, М. Д. Врангель не могла открыто назвать «два больших учреждения», которые пытались ей помочь, но у нас есть все основания полагать, что это были Академия наук и Пушкинский Дом.

Сами пушкинодомцы также задумывались над судьбой собранных ими в частные коллекции материалов. 24 октября 1917 г., буквально накануне Октябрьского переворота, ощущая нарастающее дыхание грядущей смуты, Б. Л. Модзалевский пишет в Пушкинский Дом официальное письмо: «За время моих уже свыше двадцатилетних занятий историей русской литературы и изучения биографий ее деятелей в моих руках мало-помалу сосредоточилось довольно значительное количество рукописных материалов, — частью разысканных мною по разным специальным поводам, частью притекших ко мне случайно. Материалы эти в некоторой их части были мною использованы для печати в моих работах, значительное же их количество осталось неиспользованным, за недосугом ли, или за отвлечением к другим темам и вопросам.

Так составила у меня довольно большая коллекция целых архивов историко-литературного (по преимуществу) значения, а также отдельных рукописей и автографов; оставлять все эти материалы в своем частном владении, особенно при переживаемых теперь обстоятельствах, представляется мне нецелесообразным, так как вряд ли мне самому удастся разработать то, что еще не разработано, между тем как став достоянием какого-либо учреждения, мое собрание может быть представлено в общественное пользование и привлечь к себе не одного исследователя...» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1899), № 1, л. 122—123). И далее следует список имен, автографы которых имеются у Модзалевского: семья С. Т., И. С. и К. С. Аксаковых, Г. Р. Державин, В. А. Жуковский, Н. И. Надеждин, поэты В. Г. Тепляков и Д. П. Ознобишин, писатель-мистик А. Ф. Лабзин, профессор М. Я. Мудров и др. Навер-

²⁴ *Врангель Н. Е.* Воспоминания: От крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 408. Впервые письма М. Д. Врангель были опубликованы: *Врангель М. Д.* Моя жизнь в коммунистическом раю // Архив русской революции. Берлин, 1922. Кн. 4. С. 198—214.

ху письма имеется карандашная помета Н. А. Котляревского о выплате за эти материалы 2500 рублей.

Осенью 1917 г. Б. Л. Модзалевский передал в Пушкинский Дом также материалы своего дяди Константина Николаевича Модзалевского (1844—1917), скончавшегося 19 октября (ныне все материалы Б. Л. Модзалевского и его семьи находятся в составе ф. 184).

18 декабря 1917 г. давний пушкинодомский даритель А. Ф. Кони передал письма к нему покойного президента Академии наук, великого князя Константина Константиновича, поэта К. Р. (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 2, л. 17). В Архиве Академии наук сохранился также список автографов, принесенных в дар А. Ф. Кони на протяжении всего 1917 г. Здесь мы находим письма к нему И. С. Аксакова, А. Н. Апухтина, А. Д. Галахова, Ф. М. Достоевского, В. Г. Короленко, А. Н. Майкова, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова и др. (там же, л. 19). В настоящее время все материалы А. Ф. Кони, поступавшие в разные годы, составили фонд 134.

Другой владелец историко-культурных документов, С. А. Феоктистова, вдова Евгения Михайловича Феоктистова (1828—1898), автора мемуаров, в том числе и о И. С. Тургеневе, с которым он был близок в молодости, 5 апреля (по новому стилю) 1918 г. обращалась к Н. А. Котляревскому со следующими словами: «Согласно нашей с Вами беседе, направляю к Вам архив моего мужа, уже разобранный. При нем опись всего имущества. Я крайне сожалею, что несмотря на мое глубокое сочувствие культурным задачам Пушкинского Дома, я лишена возможности материалы эти принести ему в дар. Ввиду крайне критического моего положения из этих дорогих и многозначущих для меня материалов, как ни горько — мне приходится сделать их предметом коммерции» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1899), № 1, л. 132). Документы Е. М. Феоктистова ныне в РО ИРЛИ составляют его личный фонд 318.

Живя летом 1918 г. в Гатчине, Б. Л. Модзалевский в одном из своих писем к Н. А. Котляревскому напоминает о необходимости «довести до окончания переговоров» с Татьяной Борисовной Семечкиной (урожд. Данзас) (1844—1919). «Я убежден, что если мы пропустим приобрести ее собрание, нам этого не простят», — заключает Б. Л. Модзалевский.²⁵ Архив был приобретен и ныне составляет в РО ИРЛИ фонд 276.

В июне 1918 г. в Пушкинский Дом поступил родовой архив семьи Стасовых, оставивших столь значимый след в русской культуре. Здесь имеются биографические документы знаменитого архитектора Василия Петровича Стасова (1769—1848). Обширны и многообразны материалы его сына, музыкального и художественного критика Владимира Васильевича (1824—1906): его личные документы, статьи, переписка. В архиве значатся также материалы юриста и общественного деятеля Дмитрия Васильевича (1828—1918) и его жены Поликсены Степановны, урожденной Кузнецовой (1839—1918). Третье поколение

²⁵ Из переписки Б. Л. Модзалевского / Публ. Е. И. Семенова. С. 207.

Стасовых представлено документами Елены Дмитриевны (1873—1966), участницы революционного движения, и Варвары Дмитриевны (в замужестве Комаровой) (1862—1942). В. Д. Комарова, вскоре ставшая сотрудницей Пушкинского Дома, как сказано выше, и описала архив своей семьи (ф. 294).

29 октября 1918 г. Дмитрий Николаевич Любимов (1864—1942), крупный государственный чиновник и коллекционер автографов, просит Пушкинский Дом принять на временное хранение его собрание (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1899), № 1, л. 198). «Временное хранение» обернулось постоянным: ныне любимовская коллекция зарегистрирована в РО ИРЛИ как фонд 160. Здесь интересны прежде всего пять больших альбомов с автографами видных деятелей русской культуры.

21 ноября Дмитрий Владимирович Философов (1872—1940) передал в Пушкинский Дом мемуары Е. В. Дягилевой, мачехи знаменитого импресарио С. П. Дягилева, и свои собственные «Записки» (там же, л. 211—212). Эти документы положили основу фонду Павла Павловича (1848—1914) и Елены Валерьяновны Дягилевых (1853—1919) (ф. 102). 14 декабря К. С. Лозина-Лозинский доставил в Пушкинский Дом рукописи своего покойного сына, поэта, прозаика и критика Алексея Константиновича Лозина-Лозинского (1886—1916), чьи материалы сейчас составляют фонд 161 (там же, л. 225).

В том же 1918 г. Н. С. Боткина-Враская, с 1 июля 1919 г. ставшая научным сотрудником, а затем хранителем музея Пушкинского Дома, передала коллекционный альбом Марии Петровны Фет (урожд. Боткиной) с автографами А. С. Пушкина (лист с автографом поэта ныне находится в ф. 244), Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, А. А. Фета, Ф. И. Тютчева и др., а также собрание писем В. П. Боткина к родным. От Марианны Борисовны Черкасской-Палечек (1876—1934), певицы, артистки Мариинского театра, поступили письма к ней М. Г. Савиной, В. Ф. Коммисаржевской, Э. Ф. Направника и др. (ф. 310). Оказался в Пушкинском Доме и архив другого артиста — Модеста Ивановича Писарева (1844—1905) (ф. 231).

В 1919 г. частные владельцы историко-культурных документов продолжали смотреть на Пушкинский Дом как на свою надежду и опору. 5 марта 1919 г. князь Эспер Эсперович Ухтомский, бывший редактор «Санкт-Петербургских ведомостей», предложил принять у него полный комплект газеты, а также личный архив. Э. Э. Ухтомский проживал в Царском Селе. Вывезти архив в Петроград в тот момент у Пушкинского Дома возможности не было. Поэтом «положено было благодарить Э. Э. Ухтомского за это пожертвование и предложить ему взять на себя охрану его впредь до перевозки в Пушкинский Дом» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1919), № 2, л. 96). 5 мая 1920 г., желая оградить князя Э. Э. Ухтомского от пресловутых «уплотнений» и «выселений», Пушкинский Дом выдает ему следующее удостоверение: «В дополнение к ранее выданным и ныне подтверждаемым свидетельствам о поручении Пушкинским Домом при Российской Академии наук гражданину Э. Э. Ухтомскому (жительствоющему в Детском Селе по Средней 34/5) хранить и научно разрабатывать пожертвованные им

обширнейшие комплекты и архив „Санкт-Петербургских ведомостей“, Пушкинский Дом сим вновь обращается к советской власти Детского Села с просьбою оказывать ему (Ухтомскому) просвещенное содействие в его занятиях и трудах, не стесняя его и не перенося в другие помещения собранного им богатого историко-литературного материала, который Академией будет немедленно взят, как только позволят условия транспорта» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 66). Архив Э. Э. Ухтомского (1861—1921) в стены Пушкинского Дома попадет много позднее — 10 марта 1927 г., уже и после смерти Э. Э. Ухтомского, и после кончины княгини М. В. Ухтомской (ф. 314).

Многие пожилые люди, желавшие оставить все свои земные дела в порядке, именно в Пушкинском Доме видели последнее пристанище для своих рукописных сокровищ. 29 марта 1919 г. Георгий Карцов, секретарь поэта А. Н. Апухтина, писал: «Препровождая при сем в Пушкинский Дом при Академии наук две тетради с произведениями поэта Алексея Николаевича Апухтина, в них вписанными мною, прошу Академию принять рукописи на хранение». А. Н. Апухтин диктовал эти стихи в 1880—1893 гг. «Более полного собрания произведений А. Н. Апухтина, — писал даритель, — не имеется». Далее Г. Карцов продолжал: «Приближаясь к концу <жизни>, в переживаемое нами время, когда необходимо принять все меры к охране русского искусства, старины и красот отечественной литературы, считаю необходимым передать мои записи Академии Наук, в хранилище, носящее имя того, которого А. Н. Апухтин ценил до самозабвения и пред гениальностью которого преклонялся всю жизнь» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1919), № 2, л. 41—42).

В июне 1919 г. через композитора Сергея Михайловича Ляпунова покупаются архивные материалы Владимира Ивановича Даля (там же, л. 86—92). В 1922 г. от С. Ф. Платонова поступила еще часть архива Казака Луганского. Ныне все материалы В. И. Даля составляют фонд 90.

Чуть позднее, 9 августа 1919 г., приобретает архив Я. П. Полонского. Сохранился следующий документ, свидетельствующий об этой странице комплектования Пушкинского Дома — денежная доверенность вдовы поэта Жозефины Антоновны Полонской (1844—1920): «На основании завещанного мне покойным моим мужем Яковом Петровичем Полонским права собственности на все его движимое имущество, а равно и на все его произведения и переписку — доверяю сыну моему Борису Яковлевичу Полонскому передать архив Я. П. Полонского Пушкинскому Дому при Академии Наук, а равно и получить причитающиеся мне по сей передаче деньги. 9 августа 1919 года» (там же, л. 120).

Через год, 21 мая 1920 г., Пушкинский Дом выдал Борису Яковлевичу Полонскому, сыну поэта, мандат о том, что его квартира находится под защитой Академии наук (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 82). Сохранился и запрос Пушкинского Дома от 31 июля 1922 г. в Ревтрибунал по поводу картин Я. П. Полонского и других ценных вещей, конфискованных после расстрела Н. А. Елачича, женатого на

дочери Я. П. Полонского (там же, л. 79). В настоящее время рукописные материалы Якова Петровича Полонского (1819—1898) находятся в его личном фонде 241 и так называемой разрядной описи (Р. I, оп. 23).

6 ноября 1919 г., обращаясь к Б. Л. Модзалевскому, предлагает к продаже свои рукописи Федор Сологуб: «До настоящего времени я тщательно хранил у себя мои рукописи, хотя при переездах кое-что и терялось. Теперь хранение рукописей и переписки в частной квартире становится делом рискованным. Кроме того, по причинам слишком понятным, чтобы о них стоило распространяться, я желал бы часть их продать. Поэтому очень прошу Вас сообщить мне, не желает ли Пушкинский Дом приобрести у меня рукопись моего первого романа „Тяжелые сны“ или другие рукописи. Поощряет меня обратиться к Вам и то, что я слышал в заседании в Публичной библиотеке относительно тенденций Пушкинского Дома в деле собирания материалов по новой русской литературе» (там же, л. 181—182).

Нам неизвестно, состоялась ли в 1919 г. эта покупка. Архив же Ф. Сологуба после смерти писателя, последовавшей в декабре 1927 г., уже 20 февраля 1928 г. был передан в Пушкинский Дом Ольгой Николаевной Чернозитовой (урожд. Чеботаревской; 1872—1943), свояченицей Ф. Сологуба (ф. 289).²⁶

В Отчете Отделения русского языка за 1919 г. среди даров и покупок у частных лиц называется собрание писем к Людмиле Федоровне Грамматиковой (1860—1937), сестре А. Ф. Кони (ф. 38). Другой блок эпистолярии поступил от Л. Ф. Маркс — письма известных деятелей культуры к книгоиздателю Адольфу Федоровичу Марксу (1838—1904) (ф. 175). От Н. А. Пыпина, сына академика А. Н. Пыпина, были получены письма И. С. Тургенева к Н. А. Милютину и письма А. В. Головинина к великому князю Константину Николаевичу. К этому же году относится приобретение альбома Александры Александровны Альбрехт-Углицкой с записями М. Ю. Лермонтова, Н. В. Кукольника, А. С. Даргомыжского и др. Тогда же был куплен архив Владимира Павловича (1828—1889) и Павла Владимировича (1859—1918) Безобразовых, содержащий, кроме прочего, письма А. А. Бестужева-Марлинского, А. А. Оленина, П. М. Полторацкого к П. Н. Безобразову, их отцу и деду (ф. 23). Поступил в Пушкинский Дом и архив одного из основателей Литературного фонда Виктора Павловича Гаевского (1826—1888) (ф. 67).

Событием 1919 г. стало поступление в Рукописный отдел части знаменитой коллекции рукописей по истории России XVIII—XIX вв., принадлежавшей Павлу Яковлевичу Дашкову (1849—1910). Еще 1 декабря 1918 г. Андрей и Дмитрий Яковлевичи Дашковы, братья покойного коллекционера, также участвовавшие в формировании его собрания, обратились в Академию наук с просьбой принять в дар «все рукописи, библиотеку, собрание портретов и рисунков, равно предметов исторического, литературного и бытового значения, находящихся

²⁶ Письмо О. Н. Чернозитовой к Т. Н. Чеботаревской / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 317—320.

здесь в Петрограде в доме № 4/5 по Михайловской площади, как в особом помещении архива, так и в жилых комнатах» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1919), № 3, л. 19). Через некоторое время положение изменилось, и Дашковы вынуждены были вести переговоры о передаче собрания на основе продажи.

19 мая 1919 г. Академия, изыскивая 350 000 рублей, запрошенных владельцами коллекции, написала следующую памятную записку, предназначенную властным структурам и лицам, к ним близким:

«Известное с давнего времени всем русским ученым собрание Павла Яковлевича Дашкова представляет собою огромную научную ценность для исследователей русской истории, русской литературы и русской общественной жизни, начиная с XVI века до наших дней. Сохранение этой научной сокровищницы во всем ее целом, по мнению Академии Наук, является насущно необходимым в интересах русской науки и общественности. Академия вошла в переговоры с братьями Дашковыми о передаче всего этого архива, собранного общими стараниями и на общие средства братьев, в Академию Наук на известных материальных условиях, для выполнения этих условий со стороны Академии необходима сумма в 350 000 р. Академия Наук не утруждала бы Комиссариат просьбою о предоставлении ей этой суммы, если бы за последнее время не пришлось встретиться с конкурентами — людьми, несомненно, частными, которые также имеют в виду приобретение этого первоклассного собрания». Далее следуют подписи А. А. Шахматова, С. Ф. Ольденбурга и Н. А. Котляревского. Внизу стоит помета: «Передано q. v.²⁷ А. М. Пешкову-Горькому» (там же, л. 13).

Вопрос о выделении денег на покупку дашковского собрания был решен на удивление быстро. Уже 22 мая 1919 г. Академия получила соответствующее извещение, а 20 июля Б. Л. Модзалевский и И. А. Кубасов в присутствии представителя Государственного контроля А. Ф. Маркова приняли у Дашковых 166 томов рукописных материалов, имеющих отношение к литературе. Всего же в Пушкинский Дом поступило 525 томов и коллекция отдельных автографов.

В Архиве Академии наук имеется недатированный документ со следующей характеристикой коллекции: «Для целей и задач, преследуемых собственно Пушкинским Домом, коллекция Дашкова имеет совершенно исключительное значение: представители русской литературы конца XVIII и всего XIX века в Дашковское собрание вошли, можно сказать, все без исключения. Не говоря об отдельных автографах Пушкина, Гоголя (так называемые „уничтоженные бумаги“), гр<афа> Л. Н. Толстого, Тургенева („Стихотворения в прозе“), Достоевского, гр<афа> А. К. Толстого, следует назвать два обширнейших литературных архива — В. Р. Зотова (до 65 томов) и А. В. Старчевского (свыше 85 томов), в которых можно найти разнообразные материалы по русской литературе и журналистике 1830—1890 гг. во всем разнообразии и многообразии их представителей. Архивы Н. И. Греча, кн<язя>

²⁷ Латинская аббревиатура читается с трудом. Вероятно, q. v. (quod vide), то есть «смотри это (там-то)».

В. Ф. Одоевского, Д. П. Рунича, Н. С. Лескова, С. Н. Терпигорева (Атавы), В. О. Михневича, Н. В. Кукольника, Н. С. Савельева, П. А. Каратыгина, С. Н. Шубинского, П. И. Мельникова (Печерского), О. И. Сенковского (барона Брамбеуса) вошли в Дашковское собрание целиком или частями. Из отдельных рукописей укажем на автографы Радищева, Державина, Новикова, Гончарова, Писемского, Островского, Салтыкова (Щедрина)...» (там же, л. 99). И далее следует обширнейший список, включающий в себя весь цвет русской литературы.

Документы исторического характера, отложившиеся в коллекции Дашковых, тогда же, в 1919 г., передавались в Библиотеку Академии наук и в Азиатский музей. Братьям Дашковым сразу же было выплачено 150 000 рублей; выплата оставшейся суммы стоила огромного напряжения со стороны Академии, постоянно напоминавшей властям об этих деньгах, но, кажется, деньги все-таки были уплачены сполна. Впрочем, инфляция вскоре их полностью обесценила.

В это же время Пушкинский Дом озаботился судьбой той части коллекции Дашковых, которая располагалась в имении Надбелье Лужского уезда Петроградской губернии. Сохранилось удостоверение, выданное в связи с поездкой в Надбелье Александру Лаврентьевичу Азарову 15 марта 1919 г. (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 15). Имеются подобные же удостоверения на разные даты, выданные и другим лицам. По-видимому, в этот период удалось вывезти дашковские материалы из Надбелья только в Лугу — в Петроград они не попали. И лишь в 1923 г. Пушкинский Дом смог возвратиться к решению этого вопроса. Пушкинодомцы связались с Лужским уездным Домом просвещения, и рукописи в конце концов оказались в Рукописном отделе (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1923), № 2, л. 11, 105).

Хлопоты Пушкинского Дома по воссоединению материалов Дашковской коллекции были продолжены и позже. Так, 25 мая 1925 г. Институт книговедения передает в Пушкинский Дом материалы И. С. Тургенева, которые С. А. Венгеров, основатель Книжной палаты (впоследствии Институт книговедения), брал когда-то у Дашковых для своей исследовательской работы (напомним, что венгеровский архив после его смерти первоначально оказался в Институте книговедения). Точно так же из Москвы, из Исторического музея, были переданы документы семейного архива Дашковых (документы с XVII в.), отправленные владельцами в Музей еще в 1918 г.

Ныне Дашковское собрание, частью в дальнейшем переданное Пушкинским Домом в другие учреждения, частью пополненное поступлениями начала тридцатых годов из БАН, частью расформированное внутри самого Рукописного отдела, составляет фонд 93 (4396 ед. хр.).

Судьба Д. Я. Дашкова, одного из владельцев коллекции, оказалась и в последующие годы тесно связанной с Пушкинским Домом. В ночь с 5 на 6 сентября 1919 г. на квартире Дашковых произошел обыск. Были изъяты ценности, в том числе представлявшие не только денежный, но и историко-культурный интерес. Опасаясь за их судьбу, братья обратились за поддержкой в Академию наук, и Академия, как и в дру-

гих случаях подобного рода, написала в соответствующие инстанции необходимое заявление. Но заявления, исходившие из стен Академии, в глазах репрессивной власти не имели никакого веса. Обыск был повторен в ночь с 20 на 21 сентября. Произведенные конфискации оставили престарелого Д. Я. Дашкова в буквальном смысле без средств существования.

В 1920—1925 гг. Д. Я. Дашков продолжал время от времени продавать Пушкинскому Дому остатки коллекции. Желая материально поддержать пожилого коллекционера, Пушкинский Дом в течение некоторого времени периодически оформляет Д. Я. Дашкову выплату денег за работу по договору. В Архиве Академии наук сохранилось несколько счетов подобного рода:

Счет в Пушкинский Дом Академии наук СССР
Дмитрия Яковлевича Дашкова.

За работу по систематизации находящегося в Пушкинском Доме Дашковского собрания рукописей в течение августа месяца сего года следует мне получить по соглашению сто рублей.

Д. Дашков.

1.IX.1926 г.

Внизу стоит виза Б. Л. Модзалевского: «Счет верен, работа исполнена» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1919), № 3, л. 143). В январе 1927 г. Финансово-контрольный отдел Губисполкома не утвердил очередной счет на сто рублей. Основание: «...эта работа, именуемая сдельной, тянется месяцами, является скрытым увеличением штатов и противоречит п. 2 расп<оружения> Правит<ельства> о проведении режима экономии» (там же, л. 162). В 1926 г. Пушкинский Дом хлопотал о назначении персональной пенсии Д. Я. Дашкову в связи с ценностью переданного им государству рукописного собрания. Скончался Д. Я. Дашков в 1928 г.

Однако вернемся к истории комплектования Отделения рукописей в первые пореволюционные годы. Рукописные собрания Пушкинского Дома столь же активно, как в 1917—1919 г., частными лицами пополнялись и в 1920 г. В Архиве Академии наук сохранилось предсмертное письмо от 2 февраля 1920 г. известного историка литературы и театра и пушкиниста Петра Осиповича Морозова (1854—1920), члена Комиссии по изданию сочинений А. С. Пушкина, еще с дореволюционных времен сотрудничавшего с Пушкинским Домом (см.: ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1913), № 42, л. 39, 224). П. О. Морозов писал Б. Л. Модзалевскому:

Дорогой Борис Львович,

Злая болезнь гонит меня под нож хирурга. Ускользну ли «худой, обритый, но живой», или... Во всяком случае, моя песня спета, и надо ликвидироваться. Будьте так добры, зайдите к моей жене (со двора, с Ивановской, налево, по грязной лестнице, кв. № 7): она Вам передаст мои бумаги, которые я давно собирался отдать в П. Д., и кроме того,

еще поройтесь у меня в столах (и на столах) — мне самому сделать это некогда — и возьмите, что захотите.

Привет всем пушкинистам.

Жму Вашу руку.

Moriturus te salutat.^a

П. Морозов.

(ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 11)

Ныне все материалы П. О. Морозова, переданные им и его родными в разное время, составили фонд 191: его научные труды; личные документы и материалы по деятельности на театральном поприще; обширная переписка; материалы его жены Анастасии Юрьевны Морозовой и сына Ю. П. Морозова.

Весной 1920 г. Пушкинский Дом узнает от своей сотрудницы В. Д. Комаровой, что в ведении Аркадия Георгиевича Горнфельда находится архив известного критика и публициста Николая Константиновича Михайловского (1842—1904) и журнала «Русское богатство», им издававшегося. 19 апреля к держателю архивов отсылается официальное обращение с просьбой передать материалы в Пушкинский Дом, «где они нашли бы себе достойное место хранения» (там же, л. 60), а уже 18 мая было принято 20 папок и 15 отдельных конвертов, составляющих архив Н. К. Михайловского (там же, л. 79). В настоящее время фонд Н. К. Михайловского насчитывает 1375 единиц хранения (ф. 181). С архивом «Русского богатства» А. Г. Горнфельд расстанется позднее, в 1925 г.

21 апреля 1920 г., вскоре после кончины Федора Дмитриевича Батюшкова (1857—1920), известного историка литературы, театрального критика, общественного деятеля, составляется договор, подписанный Н. А. Котляревским и наследниками Ф. Д. Батюшкова о продаже его коллекции Пушкинскому Дому в рассрочку за 200 000 рублей. Покупка осуществлялась в пользу малолетних удочеренных детей Ф. Д. Батюшкова — Марии и Елены (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 3). Помимо гравюр и старинных портретов, бывших в коллекции фондодержателя, в Пушкинский Дом пришли рукописи Л. Н. Андреева, А. А. Блока, К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, В. Г. Короленко, А. И. Куприна, Д. С. Мережковского, В. С. Соловьева, А. П. Чехова и др. Ныне фонд Ф. Д. Батюшкова насчитывает 848 единиц хранения (ф. 20).

Пушкинодомцы первого поколения с огромным уважением относились к имени последнего дореволюционного президента Академии наук великого князя Константина Константиновича. 9 сентября 1920 г. от академика С. Ф. Платонова Рукописный отдел принял четыре пакета с рукописями К. Р. Через десять лет хранение материалов Константина Константиновича будет рассматриваться как «укрывательство

^a Обреченный на смерть приветствует тебя (*lat.*).

в контрреволюционных целях» и станет одним из поводов к «академическому делу».

В том же 1920 г. Пушкинский Дом обратился в Отдел ученых учреждений и высших учебных заведений с просьбой ассигновать 120 000 рублей на приобретение у наследников архива академика Александра Васильевича Никитенко (1805—1877) (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 70). Деньги были выделены в июле (там же, л. 142) и вскоре появился Акт о приемке материалов А. В. Никитенко и их опись (там же, л. 153, 163). Ныне фонд А. В. Никитенко составляет 1676 единиц хранения: дневники и записные книжки фондообразователя; материалы к биографии и по деятельности (в том числе и о его служебной деятельности как цензора); произведения П. А. Вяземского, И. А. Гончарова, А. Н. Майкова, О. Ф. Миллера и других лиц; письма Д. В. Григоровича, В. И. Даля, А. П. Керн, Н. А. Некрасова, В. Ф. Одоевского, В. А. Соллогуба и др. (ф. 205).

В 1920 г. велись переговоры Пушкинского Дома с Н. К. Ушинской об архиве ее отца, знаменитого педагога Константина Дмитриевича Ушинского (1824—1870) (там же, л. 201—204; ф. 316).

В Архиве Академии наук сохранился недатированный (относим к 1920 г.) черновик заявления Анны Кирилловны Стравинской, вдовы артиста Мариинского театра, владельца великолепной коллекции автографов деятелей культуры Федора Игнатьевича Стравинского (1843—1902): «Желая сохранить, в воспоминание о муже моем, покойном артисте Федоре Игнатьевиче Стравинском, и о его научных и художественных интересах собранную им, в продолжение всей его жизни, библиотеку, коллекцию гравюр, иллюстрированных изданий, автографов и документов, его личную переписку, портреты писателей и других деятелей, и считая, что Пушкинский Дом является учреждением, наиболее подходящим для хранения всех означенных выше собранных, я прошу принять их от меня как знак сочувствия научным целям Пушкинского Дома» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1919), № 2, л. 212).

В деле фонда 297 (Ф. И. Стравинский), хранящемся в справочно-учетном секторе РО ИРЛИ, находится расписка А. К. Стравинской за полученные деньги: «За уступленные мною Пушкинскому Дому рукописи разных писателей (Достоевского, Григоровича, Писемского, Майкова и др.) получила сорок тысяч рублей. А. Стравинская. 3 дек^абря 1920». В коллекции Ф. И. Стравинского содержатся сценарий оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама», составленный М. И. Чайковским, письма Ц. А. Кюи, Э. Ф. Направника, Н. А. Римского-Корсакова и др.

В конце 1920 г. в Пушкинский Дом поступает большой комплекс материалов, связанных с именем Ф. М. Достоевского. Это архив, хранившийся на квартире Анны Григорьевны Достоевской, с которой Пушкинский Дом начал вести переговоры еще накануне революции. В Архиве Академии наук сохранилось ее письмо от 12 апреля 1916 г., в котором она собиралась «просить совета насчет архива, приведения его в порядок» (ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1913), № 42, л. 161). А. Г. Достоевская умерла 22 июня 1918 г. в Ялте, так и не успев сама осуществить

передачу архива в Пушкинский Дом. Немало документов погибло в ее петроградской квартире, оставленной без присмотра, но часть материалов тем не менее оказалась в Рукописном отделе (ф. 100). Это автографы произведений Ф. М. Достоевского, копии их рукою жены, корректуры; отрывки из записок и дневников А. Г. Достоевской, ее переписка; ее письма к мужу; письма разных лиц к писателю и др.

Спасению архива Ф. М. Достоевского, не исключаем, способствовал Николай Грацианович Пиотровский. Сохранился черновой вариант благодарственного письма Б. Л. Модзалевского к нему: «От имени Пушкинского Дома приношу Вам выражение искреннейшей благодарности за содействие, оказанное Вами в передаче Дому бумаг, книг и вещей, имеющих отношение к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского. Благодаря Вашему истинно просвещенному вниманию к задачам и делам Дома, его небольшое собрание материалов о Достоевском ныне значительно увеличилось, обогатилось и рукописями самого писателя, и письмами к нему различных литераторов, друзей и знакомых, книгами из его библиотеки, и другими предметами, имеющими к нему то или иное отношение. Значение Вашего участия в делах передачи наследия Достоевского в Пушкинский Дом усугубляется еще тем, что без Вашего вмешательства в судьбу этого наследия оно, без сомнения, погибло бы, подобно многим и многим другим.

В воспоминание о Пушкинском Доме не откажите принять препровождаемую при сем бронзовую медаль, выбитую Академией Наук в память столетия дня рождения Пушкина, и сохраните ее как знак признательности Дома за неоднократно уже проявленное Вами внимание к его интересам и научной деятельности» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 259).

В ответ было получено следующее письмо:

Глубокоуважаемый Борис Львович!

Сердечно тронут оказанным мне вниманием Вашим по поводу моего скромного участия в разыскании наследия Ф. М. Достоевского.

Писатель этот был неизменным властителем моих дум и я бесконечно счастлив, что судьбе угодно было натолкнуть именно меня на это наследие. Я пережил несколько незабываемых минут...

Всегда буду рад служить Пушкинскому Дому — всегда и везде, куда бы ни закинули меня обстоятельства.

Искренно Вас уважающий и преданный Вам Н. Пиотровский.

21.XII.1920. С.-Петербург.

(Там же, л. 260).

В 1921—1922 гг. активные действия пушкинотомцев по поиску и спасению рукописных материалов в частных коллекциях были продолжены. Одним из тех, кто включился в поездки по городу, стал Николай Васильевич Яковлев (1891—1981). Н. В. Яковлев, специалист по творчеству А. С. Пушкина и М. Е. Салтыкова-Щедрина, в 1915 г. закончил историко-филологический факультет Петроградского университета и был оставлен для подготовки к профессорскому званию

(1916—1918). В 1916 г. он уже вошел в круг лиц, живо интересовавшихся делами Пушкинского Дома: его имя называется среди тех, кто разбирал рукописи. Н. В. Яковлев был политизированным человеком, и на протяжении 1905—1909 гг. участвовал в работе социал-демократической организации учащейся и рабочей молодежи Петербурга.²⁸ В феврале-июле 1917 г. он работал в Литературном отделе Исполнительного комитета Петроградского Совета. Очевидно, что его политические воззрения этого времени были весьма радикальными. В конце лета 1917 г. Н. В. Яковлев по приглашению С. А. Венгерова, учеником которого он был, переходит на работу в только что созданную Книжную палату. Вместе с другими сотрудниками этого учреждения (А. Г. Фомин, А. А. Шилов, Л. К. Ильинский, А. С. Поляков, И. А. Шляпкин, В. В. Буш и т. д.) Н. В. Яковлев много сделал для собирания печатной продукции разных политических партий. Однако Октябрьский переворот им принят не был. Как и весь коллектив Книжной палаты, он участвует в забастовке, направленной против большевиков. Впоследствии ученый покинул Петроград. Известно, что в сентябре—начале октября 1918 г. Н. В. Яковлев как представитель Книжной палаты пребывал в Самаре, где в это время власть принадлежала Учредительному Собранию. С мая по декабрь 1919 г., при Колчаке, он был директором Временного бюро Книжной палаты в Омске. К концу Гражданской войны Н. В. Яковлев переехал в Москву, а затем вернулся в Петроград. В 1921 г. в Пушкинском Доме он занял должность эмиссара. С 1924 г. преподавал в различных вузах Ленинграда, Кирова, Малмыжа, Пскова, Свердловска. Вторично в Пушкинский Дом он вернется на краткий период в середине пятидесятых годов (1952—1957).²⁹

В начале 1920-х гг. Н. В. Яковлев оказался активным ревнителем пушкинодомских интересов. Так, где-то на Поклонной горе в маленьком домике сестер известного историка и публициста, академика Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829—1897) Н. В. Яковлевым был найден его архив. В своих воспоминаниях он так описывал свою встречу с двумя престарелыми представительницами «старого режима» в послереволюционной России: «Дверь медленно открывается. Передо мною две маленькие старушки, точно сошедшие с французской картины XVIII века. Высокие прически со взбитыми локонами, но только не напудренными, как у французских маркиз, а седыми. На шее, на плечах, на груди ленточки, прошивочки, кружева. Две пары глаз уставились на меня. В них — испуг и покорность судьбе.

Я поспешил их всячески успокоить, назвал поскорее Академию наук, Котляревского, Модзалевского. Обрадованные старушки подводят меня к шкафчику и шифоньерке. Там на полочках — ящички и коробочки. В одних — письма, перевязанные голубыми и розовыми лен-

²⁸ Яковлев Н. В. Выбор цели // Заря надежды: Социал-демократическая организация учащейся и рабочей молодежи Петербурга (1905—1909). Л., 1982. С. 269—312.

²⁹ Яковлев Н. В. Дни Октября / Публ. Г. Н. Яковлева, послесловие Г. В. Михеевой // Историко-библиографические исследования: Сб. науч. трудов. СПб., 1995. Вып. 5. С. 111—126.

точками. В других — рукописи исторических работ. Сестры свято сохранили научное наследие своего брата».³⁰

Архив К. Н. Бестужева-Рюмина (ф. 27) ныне составляет 682 единицы хранения: статьи, рецензии, лекции фондообразователя; обширная переписка; его личные и родовые документы; материалы других лиц.

К 1921—1922 гг., по-видимому, относятся и воспоминания Н. В. Яковлева о рукописях М. Е. Салтыкова-Щедрина, хранившихся на квартире его дочери Елизаветы Михайловны, бывшей замужем за итальянским военно-морским атташе в России маркизом да Пассано. Пушкинотомцы, узнавшие об архиве от двух студентов Академии художеств, обнаружили рукописи в сырой квартире под обломками обвалившейся штукатурки. Фонд Михаила Евграфовича Салтыкова (1826—1889), составленный из разных поступлений, в настоящее время значится под номером 366 (2139 ед. хр.).

В 1920-е гг. под присмотром Пушкинского Дома находились многие частные петроградские собрания, с которыми их владельцы пока не хотели расставаться или которые Дом не мог принять под свою крышу. При новой власти постоянно происходило выселение «бывших» из их квартир, «подселение» и «уплотнение». Пушкинский Дом, как мог, старался помочь опекаемым им людям. Так, 12 июля 1920 г. Анастасии Михайловне Семевской, дочери известного редактора-издателя журнала «Русская старина» Михаила Ивановича Семевского (1837—1892), выдается удостоверение в том, что ее квартира, где имеется ценная коллекция книг, гравюр, картин, рукописей, принадлежит Российской Академии наук, а сама А. М. Семевская является хранителем, на основании чего просит не вселять к ней посторонних лиц (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 155). 13 декабря 1922 г., после смерти А. М. Семевской, Пушкинский Дом обратился в Охранительное отделение Административного подотдела Петрогубисполкома с просьбой разрешить ему забрать материалы (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 2, л. 125). Поручение это было возложено на эмиссара Пушкинского Дома Н. В. Яковлева.

Все дальнейшие события описаны в воспоминаниях Н. В. Яковлева. На квартире А. М. Семевской посланец Пушкинского Дома обнаружил только один из трех томов известного альбома «Знакомые», в котором видные деятели культуры оставляли свои записи. Не оказалось в квартире и никаких рукописей. С большим трудом Н. В. Яковлеву удалось выяснить, где проживает некая Прасковья Михайловна, нянюшка А. М. Семевской, на руках которой та умерла. В ее-то квартире в двух больших корзинах под ворохом ридикюлей он и обнаружил разыскиваемые рукописи. Далее предоставим слово самому Н. В. Яковлеву: «Я горячо заверяю старушку, что Пушкинский Дом хорошо заплатит за все это. Но прошу разрешить немедленно взять обе корзины, хотя сам не понимаю, как и на чем я их увезу.

Старушка кивает головой в знак согласия. Я быстро спускаюсь вниз по лестнице и — о радость! — навстречу мне подходит к дому

³⁰ Яковлев Н. В. Из воспоминаний о Пушкинском Доме // Звезда. 1969. № 8. С. 172.

„врихло“ („временно исполняющий должность лошади“) — человек с тележкой на двух колесах.

— Две корзины со второго этажа — на Васильевский, в Академию наук, — говорю я.

— Два кило, — флегматично отвечает „врихло“.

Чем будет расплачиваться дирекция, хлебом или деньгами, — не мое дело! Мне надо во что бы то ни стало сейчас же забрать рукописи. И я соглашаюсь на два кило, да еще в придачу обещаю помочь не только спустить корзины вниз, но и везти всю дорогу с хозяином тачки. „Врихло“ издает хриплое одобрительное ржание.

Не беспокоит меня и вопрос о расчетах со старушкой. За такую драгоценность найдется достойная плата.

И вот мы в кабинете дирекции. Над двумя корзинами — Борис Львович, Б. В. Томашевский и я. Модзалевский открывает первую корзину. В его руке лист с белой рукописью Пушкина:

Ты хочешь ли узнать, моя драгая,
Всю разницу меж Буало и мной?..

За нею следует полный текст комедии Островского. Далее идет рукопись статьи Герцена. Опубликована ли она? Мы только молча переглядываемся.

Вынув еще две-три вещи, Модзалевский переходит ко второй корзине. Перед нами блесит красный сафьян двух томов альбома „Знакомые“. Сняв их, Борис Львович запускает руку в глубину до самого дна — и выпрямляется с радостным вздохом:

— Ну, исполать вам, Николай Васильевич!».³¹

В настоящее время личный фонд М. И. Семевского (ф. 274) составляет 825 единиц хранения.

Напряженная деятельность пушкинотомцев по спасению частных архивов в 1917—1922 гг. поистине может быть названа героическим деянием. Даже краткий обзор этой страницы в истории РО ИРЛИ, предложенный в данной статье, пробуждает бесконечное уважение к нашим предшественникам. Однако работа с частными владельцами историко-культурных документов была не единственным аспектом в комплектовании Рукописного отдела Пушкинского Дома в пореволюционное время.

4

Как уже отмечалось выше, Пушкинский Дом старался пристально следить за судьбой не только частных собраний петербуржцев, но и за архивами различных учреждений и организаций, располагавшихся в бывшей столице Российской империи. В связи с этим весьма впечатляюща история с архивом Департамента полиции, находившимся на углу Фонтанки и Пантелеймоновской улицы. В разгар Февральской революции 1917 г., 27 или 28 февраля, как пишет Н. В. Измайлов, зда-

³¹ Там же. С. 174.

ние архива Департамента было подождено. Пушкинодомцы и сотрудники Академии наук (Н. А. Котляревский, Б. Л. Модзалевский, С. Ф. Ольденбург, Л. К. Ильинский, А. С. Поляков, В. П. Семенников, А. А. Шилов и др.), понимая непреходящую историческую значимость документов, которые там хранились (включая материалы начала XIX в.), раздобыли сани и отправились к горящему зданию. Им удалось спасти целый пласт материалов, включая исторический архив III Отделения. Тогда-то в Пушкинский Дом и попали материалы тайного надзора за А. С. Пушкиным, находящиеся ныне в фонде поэта — «Дело о надзоре за известным поэтом, отставным чиновником 10-го класса Александром Пушкиным» за 1829—1832 гг. (ф. 244). До 1922 г. архив Департамента полиции хранился в большом конференцзале Академии наук, а затем был передан в Центрархив (ныне: Российский государственный исторический архив в Петербурге).

Многие петроградские музеи и общества, опасаясь за собранные ими историко-культурные ценности, в годы революции сами обратились к Пушкинскому Дому с просьбой принять на хранение их коллекции. Уже в марте 1917 г., сразу же после Февральской революции, Пушкинский Дом принял материалы Пушкинского лицейского музея. Инициатором этой акции был выпускник XXXV курса Александровского Лицея, активный член Пушкинского лицейского общества Павел Евгеньевич Рейнбот (1855—1934), старый добрый друг Пушкинского Дома, с 1921 г. ставший его штатным сотрудником. Этот эпизод из истории Пушкинского Дома отразился в письме Б. Л. Модзалевского к Н. А. Котляревскому от 4 марта 1917 г. «Дорогой Нестор Александрович, — писал Б. Л. Модзалевский, — сейчас звонил мне П. Е. Рейнбот и сообщил, что судьбы Лицея сейчас решаются, что возник вопрос о судьбе Пушк<инского> лиц<ейского> музея, который надо спасти сегодня-завтра. Он спрашивает меня, примет ли Академия его теперь же, так как он, Рейнбот, с согласия других, принял решение передать Музей Пушкинскому Дому <...> Вы не думайте, что я с ума сошел: пишу в здравом уме и твердой памяти». ³² Б. Л. Модзалевский же в письме к М. О. Гершензону от 8 июня 1917 г. так комментирует это событие: «...принял Пушкинский Дом, как Симеон Богоприемец, на свои руки Пушкинский Лицейский Музей, ибо в помещении Лицея Союз городов устроил лазарет для 800 сифилитиков. Это уже садизм». ³³

В те же мартовские дни 1917 г. встал вопрос о передаче в Пушкинский Дом лермонтовских рукописей, собранных Николаевским кавалерийским училищем. Лермонтовский музей, как и Пушкинский музей в Александровском Лицее, можно считать своеобразным предтечей Пушкинского Дома. Музей в бывшей Школе юнкеров, в которой

³² Из переписки Б. Л. Модзалевского / Публ. Е. И. Семенова. С. 203; см. также: Переписка Б. Л. Модзалевского с П. Е. Рейнботом / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Борис Львович Модзалевский. Материалы к научной биографии. СПб., 2001. С. 220—258.

³³ Переписка Б. Л. Модзалевского с М. О. Гершензоном / Публ. Е. Ю. Литвин. С. 340.

М. Ю. Лермонтов учился в 1832—1834 гг., был открыт 18 декабря 1883 г.³⁴ Лермонтовский музей сначала представил в Пушкинский Дом списки своих материалов (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1899), № 1, л. 72), а затем, когда политическая обстановка стала угрожающей, документы были переданы в Пушкинский Дом (там же, л. 101—106). Ныне лермонтовские рукописи из Николаевского училища составляют основу личного фонда поэта (ф. 524).

В 1918 г. Б. Л. Модзалевский обращается в Конференцию (Общее собрание) Академии наук по поводу необходимости приобретения ценной коллекции редакции журнала «Русская старина»: «Мне известно, что в настоящее время представляется возможность вступить в переговоры с редактором „Русской старины“ П. Н. Вороновым о приобретении у него всего архива этого исторического журнала. По обстоятельствам переживаемого времени журнал фактически прекратил уже свое существование — на 50-м году издания — и вряд ли может быть оживлен в скором времени...» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1899), № 1, л. 161). Архивные материалы журнала «Русская старина» поступили в Пушкинский Дом чуть позднее, в октябре 1920 г. (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 189—196 — предварительная опись). Документы из этого архива в годы революции оказались также и в Библиотеке Академии наук. Осенью 1922 г. Пушкинский Дом по поводу этой части архива сделал соответствующий запрос, но тогда эти материалы получены не были (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 2, л. 118). В Пушкинский Дом они поступили только в 1931 г., когда централизованно из БАН передавался целый массив архивных материалов. Ныне архив журнала «Русская старина» составляет предмет гордости Пушкинского Дома (ф. 265; 6149 ед. хр.).

В 1918 г. в Пушкинский Дом поступили материалы еще одного журнала: новая редакция журнала «Вестник Европы» передала часть своего архива за 1909—1917 гг. (ф. 48).

В ноябре—декабре 1922 г. решался вопрос о передаче в Пушкинский Дом архива Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, существовавшей с 1895 по 1921 г. при Академии наук. Последним председателем ее был Н. А. Котляревский, благодаря которому этот ценнейший по своему фактографическому материалу архив и попал в Рукописный отдел.³⁵

В годы революции и Гражданской войны существовал еще один источник комплектования Рукописного отдела — вскрытые советской властью сейфы банков, арендованные до революции частными лицами. В записках М. Л. Гофмана, упомянутых выше, сохранились воспо-

³⁴ [Бильдерлинг А. А.] Лермонтовский музей Николаевского кавалерийского училища. СПб., 1883; Фоякова Н. Н. Лермонтовский музей // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 253—254.

³⁵ Хохлова Н. А. Обзор архива Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 47—76; см. также документ от 11 ноября 1922 г., свидетельствующий о том, что Конференция Академии наук разрешила принять этот архив Пушкинскому Дому (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 2, л. 107).

минания о том, как он, во время болезни Б. Л. Модзалевского, регулярно приходил в «депо» разных банков (банковские хранилища), где было свалено содержимое сейфов, и отбирал материалы, имеющие интерес для Пушкинского Дома. В Архиве Академии наук сохранились многочисленные описи (помечены 1920—1921 гг.) бумаг, изъятых из Волжско-Камского и других банков и предназначенных для Пушкинского Дома и других архивов. К сожалению, описи чрезвычайно лапидарны: называются только фамилия владельца (как правило, без инициалов) и объем материалов (пачка, ящик) (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 2, л. 147—204). Установить с достоверностью, какие именно материалы из банков отложились в конце концов в Пушкинском Доме, не представляется возможным. Большинство из них было передано в Москву. Скажем только, что среди владельцев называются фамилии Щербатовых, Мещерских, Врангелей, Крузенштернов, Долгоруковых, Волконских, Бестужевых-Рюминых, Шереметевых и др.

Документы свидетельствуют, что Пушкинский Дом в период революции и в начале 1920-х гг. контактировал не только со «старорежимными» учреждениями, но и с новыми, созданными советской властью. Так, в 1918 г. из Отдела охраны памятников искусства и старины в Пушкинский Дом были доставлены автографы А. С. Пушкина, принадлежавшие некогда княгине З. И. Юсуповой и находившиеся в знаменитом Юсуповском дворце.

Поведение пушкинодомцев порой удивляет своим наивным бесстрашием и вызывает восхищение тем пониманием хранительского долга, которое жило в сердцах и умах первого поколения сотрудников Рукописного отдела. В стране, где утвердился террор, аресты и расстрелы, Пушкинский Дом осмеливается обращаться к карательным властным структурам с прошениями о передаче ему рукописных материалов репрессированных лиц.

Весьма показателен эпизод с архивом профессора Бориса Владимировича Никольского (1870—1919), историка литературы, поэта и переводчика, активно высказывавшего свою приверженность монархии в дореволюционные годы, одного из создателей «Союза русского народа». Он был расстрелян большевиками в 1919 г. По всей вероятности, после гибели Б. В. Никольского родственники передали в Пушкинский Дом его рукописи. Часть материалов профессора, как стало известно пушкинодомцам, оказалась в ГПУ. В Архиве Академии наук сохранился документ — памятная записка рукой неустановленного лица — о Б. В. Никольском:

«Дела профессора Бориса Владимировича Никольского.

Арестован в ночь на 17-е мая 1919 г.

Расстрелян в ночь на 11-е июня 1919 г.

Находился в первые дни на Гороховой 2, затем был переведен (через 3 дня) в Дом Предварительного Заключение — Шпалерная 25. Отбывал заключение на V одиночном отделении — камеры 157 и 122, выбыв на краткое время в лазарет.

Желательно получить оставленные материалы — рукописи: до 60-ти стихотворных произведений и работы по литературе, вообще —

все материалы, имеющие ценность в научном отношении» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 2, л. 45).

11 мая 1922 г. от имени Пушкинского Дома в Петроградское Государственное Политическое Управление исходит следующее письмо: «Пушкинский Дом при Российской Академии Наук настоящим просит о выдаче ему материалов, оставшихся после проф<ессора> Б. В. Никольского. Проф<ессор> Борис Владимирович Никольский был арестован 17 мая 1919 г., содержался на Гороховой ул., д. 2 и Шпалерной, д. 25 и затем расстрелян 11 июня того же 1919 г. После него остались взятые при обыске литературные работы, получавшиеся им во время заключения книги (Вольтера, Руссо, Шопена, Пушкина и др.) и написанные им в заключении стихи (числом до 60). Из означенных материалов особую цену и значение имеют для Пушкинского Дома историко-литературные исследования проф. Б. В. Никольского. Настоящее обращение вызывается тем, что основная литературно-научная часть архива (обширные исследования о жизни и творчестве Пушкина) находится в собраниях Пушкинского Дома и частично уже печатается, так что теперь Пушкинский Дом ходатайствует о получении лишь остальной части» (там же, л. 46; черновик). Нам неизвестно, как отреагировало ГПУ на этот наивно-дерзкий запрос. Как бы то ни было, через несколько лет, в 1929 г., архив Б. В. Никольского будет фигурировать в списке «преступно укрывавшихся» с «контрреволюционными целями» материалов, изъятых Правительственной комиссией из Рукописного отдела.

11 мая 1922 г., в тот же день, когда в ГПУ отсылалось письмо по поводу бумаг Б. В. Никольского, был составлен и второй документ этого же рода — в отношении архива Льва Львовича Толстого (1869—1945), сына писателя (там же, л. 47). Основная часть материалов из его архива к этому времени уже находилась в Пушкинском Доме. Сюда они попали при следующих обстоятельствах, описанных Н. В. Яковлевым: «Как-то раз уже на Тифлисскую улицу (по-видимому, еще во время ремонта здания в 1921 г. — *Т. И.*) явился к нам техник и сообщил, что у них в доме, на чердаке, валяются письма Льва Толстого! Я немедленно отправился туда вместе с ним.

Дом этот прежде принадлежал шведской баронессе, жене Льва Львовича Толстого. Находился он на Таврической улице, напротив сада. В начале революции господа уехали в Швецию, оставив весь свой архив на чердаке, в корзинах и ящиках. Жильцы, по обыкновению, вешали здесь белье на просушку. Они, конечно, любопытствовали: что в корзинах? Сломали замки, разбросали бумаги. Топлива у них хватало, поэтому очень многое уцелело.

Сотрудники Пушкинского Дома собирали в мешки драгоценные письма Льва Толстого!».³⁶

11 мая в запросе к ГПУ речь шла о бумагах, изъятых при обыске у Николая Николаевича Холодилина, председателя домового комитета дома № 29 по улице Слуцкого (то есть дома Л. Л. Толстого). Реакция

³⁶ Яковлев Н. В. Из воспоминаний о Пушкинском Доме. С. 173.

ГПУ на данный запрос нам также неизвестна; архив же Л. Л. Толстого в настоящее время составляет фонд 303.

Таким образом, благодаря самоотверженности пушкинодомцев в 1917—1922 гг. было спасено немало историко-культурных документов из учреждений, разгромленных в годы революционной смуты, или осевших по каким-то причинам в структурах, созданных уже новым режимом.

5

В тяжелейшие годы Гражданской войны, когда были нарушены все связи между отдельными регионами страны, а путешествие по дорогам вздыбленной России было опасным для жизни, Пушкинский Дом старался наладить контакты с иногородними держателями рукописных материалов. Многочисленные «доброхоты» охотно брали на себя миссию посланников Пушкинского Дома. Настойчивому желанию научной гуманитарной интеллигенции «собирать камни» во времена, когда все их «разбрасывают», можно только подивиться. Титанические усилия первого поколения пушкинодомцев вызывают бесконечное уважение и поднимают труд архивистов на такую высоту, которая сродни подлинному подвигу.

В «Историческом очерке», посвященном становлению Пушкинского Дома, М. Д. Беляев указывает, например, на такой эпизод: «От С. Н. Вревской, рожд. Лопухиной, поступил архив села Голубова, заключающий в себе переписку семьи Вульф-Осиповых-Вревских, с письмами С. Л. Пушкина, П. А. Плетнева и др. Архив этот в очень критический момент (в ноябре 1917 г.) был вывезен в Петербург покойным А. С. Поляковым, совершившим поездку в Голубово, можно сказать, накануне его сожжения».³⁷

В Архиве Академии наук сохранилась папка, содержащая многочисленные удостоверения (черновики) о командировках, выданные Пушкинским Домом в 1917—1926 гг. (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3). Количество командировочных удостоверений, круг лиц, их получавших, и места следования, указанные в документах, поражают. 6 мая и 16 июня 1918 г. С. В. Штейну выданы документы, удостоверяющие, что он направлен для поисков историко-культурных материалов в Москву и Орел. 4 сентября выдается удостоверение В. П. Семенникову для поездки в города Украины. 12 сентября — Н. Б. Глазбергу для следования в Одессу и Крым. В тот же день — А. Я. Лихтерману, едущему в Нежин для поисков гоголевских материалов. К сентябрю относится удостоверение М. Д. Беляева для поездки в Киев и Чернигов. 15 января 1919 г. Н. Н. Михайлов получает удостоверение, подтверждающее его право поиска пушкинских материалов в Одессе и лермонтовских — в Пятигорске. Список, повторяем, может быть увеличен в десятки раз.

Очевидно, что во многих случаях командировочные удостоверения были лишь формальным (и очень сомнительным в смысле надежно-

³⁷ Пушкинский Дом при Российской Академии наук. Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924. С. 21.

сти) документом, который должен был обеспечить их владельцам, выезжавшим из Петрограда, хоть какую-то иллюзию безопасности и подтвердить их лояльность в глазах советской власти. Многие из удостоверений касаются выезда в Петербургскую губернию (например, в Лужский или Гдовский уезды), причем одни и те же лица ездят в указанные места несколько раз, и напротив, разные лица в разное время выезжают в одно и то же место с одной и той же целью. Надо полагать, что эти удостоверения в голодные годы Гражданской войны выдавались лицам, выезжавшим из Петрограда для покупки продуктов.

Люди из окружения Пушкинского Дома приходили сюда за «мандатом», имевшим вес в глазах большевиков, и получали необходимый документ. В Архиве Академии наук сохранился, например, черновик удостоверения, выданного профессору В. Н. Таганцеву, которому в 1921 г. большевики инкриминировали организацию заговора против рабоче-крестьянской власти — того самого заговора, по которому был расстрелян Н. С. Гумилев:

9 июня 1920.

№ 2962.

Удостоверение.

Дано сие состоящему при Российской Академии Наук Владимиру Николаевичу Таганцеву в том, что ему поручается совместно с ученым хранителем рукописей Пушкинского Дома принять все меры к доставке библиотеки М. Н. Лонгинова из села Ивановского Клинского уезда Московской губернии в Петроград в Пушкинский Дом.

Хранитель рукописей Мод<ест> Гофман.

(ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 52)

Однако не все командировочные листы имели характер прикрытия для поездок, совершаемых с иными, чем поиск историко-литературных материалов, целями.

18 июня 1919 г. Пушкинский Дом выдает Н. Н. Шахову, давнему приверженцу пушкинодомских интересов, следующий документ: «Удостоверение дано гражданину Николаю Николаевичу Шахову в том, что он командирован Пушкинским Домом, сроком на четыре дня, в Самокральскую волость Новгородского уезда и обратно для приема и доставки в Петроград рукописей драматурга Невежина, поступающих в распоряжение Пушкинского Дома» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1919), № 2, л. 78). Уже 3 июля вывезенные из Новгородской губернии рукописи Петра Михайловича Невежина (1841—1919) поступили в Пушкинский Дом. Ныне они вместе с другими невежинскими поступлениями составляют фонд 200.³⁸

³⁸ О фонде П. М. Невежина см.: Аксененко Е. М. Материалы о жизни и творчестве Петра Михайловича Невежина в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 76—112.

В 1919—1920 гг. Пушкинский Дом состоял в переписке с Александром Ивановичем Лясковским, редактором журнала «Вятское народное хозяйство». Проживая в Вятке, он старается соблюсти интересы Пушкинского Дома и выявить в местных делопроизводственных архивах материалы, имеющие историко-литературную ценность. Прежде всего это документы, касающиеся А. И. Герцена, отбывавшего здесь ссылку. А. И. Лясковским, как следует из его письма от 6 мая 1920 г., в архиве бывшего Вятского губернского правления и вятского губернатора были обнаружены записка А. И. Герцена об организации в 1835—1836 гг. местного Статистического комитета и его подписка о непричастности к масонским обществам (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 65).

23 февраля 1920 г. еще один верный друг Пушкинского Дома, Александр Сергеевич Поляков (1882—1923), получил пушкинодомское удостоверение, названное в духе времени «мандатом», следующего содержания: «Настоящим поручается Александру Сергеевичу Полякову вступить в переговоры с Николаем Михайловичем Лисовским по вопросу о принадлежащих ему рукописных, историко-литературных, иконографических и других материалах и приобрести их для Пушкинского Дома при Р.А.Н.» (там же, л. 8). Известный библиограф Н. М. Лисовский проживал в Москве, где было так же голодно, как и во всей России. Уже 12 марта в Пушкинский Дом приходит письмо, подписанное Н. М. Лисовским, его женой Эмилией Федоровной и дочерью Марией Николаевной. В письме выражалось согласие на переговоры о покупке (там же, л. 38). Переговоры шли на протяжении всего 1920 г. и закончились удачно. В настоящее время фонд Н. М. Лисовского (1854—1920; ф. 153) составляет 1256 единиц хранения: библиографические подборки фондообразователя; материалы по его служебной и общественной деятельности; обширная эпистолярная, включающая письма М. Ф. Андреевой, А. П. Бахрушина, В. Я. Брюсова, С. А. Венгерова, А. Г. Рубинштейна, В. И. Саитова и др.

Летом 1920 г. Е. П. Казанович и М. Л. Гофман привезли из имения Ивановское Клинского уезда Московской губернии библиотеку и архив Лонгиновых: сенатора, члена Государственного совета Николая Михайловича (1780—1853) и его сына, начальника Главного управления по делам печати Михаила Николаевича (1823—1875). Переговоры с владелицей собрания княгиней Александрой Михайловной Козловской (дочерью М. Н. Лонгинова) были начаты еще в конце 1916 г., но историческая ситуация помешала вовремя вывезти архив в Петроград.

В июне состоялась первая поездка М. Л. Гофмана в Москву по этому вопросу. 13 июня он встретился с А. М. Козловской, проживавшей в Москве, и выяснил у нее, что библиотека находится в с. Ивановском и принята на учет Отделом научных библиотек при Наркомпросе. Рукописные же материалы, с которыми владелица пока не желала расставаться, хранились в московской квартире А. М. Козловской. 22 июня М. Л. Гофман побывал в Ивановском и после больших хлопот, связанных со снятием печатей, наложенных на имение, осмотрел

библиотеку, состояние которой, несколько лет находившейся в неотопляемом здании, внушало обоснованное беспокойство.

По возвращении в Петроград начались хлопоты по организации перевозки 17 000 томов книг. Материалы Архива Академии наук (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 1, л. 1—66) языком документов свидетельствуют, какого напряжения стоило в разоренной стране добыть необходимые веревки, мешки, ящики, гвозди, роужи и т. д. 10 июля М. Л. Гофман вместе с Е. П. Казанович опять выехали в Москву. Е. П. Казанович сразу же отправилась в Ивановское для упаковки библиотеки и перевозки ее на ближайшую железнодорожную станцию. Обстоятельства работы Е. П. Казанович довольно подробно и красочно описаны в ее дневнике.³⁹ М. Л. Гофман же оставался в Москве для решения вопросов, связанных с железной дорогой. 20 июля он писал Б. Л. Модзалевскому: «У меня остается все только последнее: последние силы, последние воспоминания сапог, последние заработанные деньги...».⁴⁰ Для того чтобы организовать перевозку лонгиновских материалов М. Л. Гофману пришлось побывать в Отделе научных библиотек, в Отделе музеев, Народном комиссариате путей сообщения, Государственном контроле, Народном комиссариате просвещения, Николаевском вокзале, Государственном банке.

25 июля М. Л. Гофман еще раз побывал у А. М. Козловской, и на этот раз ему удалось убедить ее в необходимости передать архивные материалы на хранение в Пушкинский Дом. 26 июля он возвращался в Петроград уже с частью рукописных материалов. Все проблемы с железнодорожными вагонами были решены, и 31 июля Е. П. Казанович вместе с лонгиновской библиотекой также прибыла в Петроград (см. подробный отчет М. Л. Гофмана о командировке — ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 107—110). 1 августа М. Л. Гофман опять находился в Москве для решения различных пушкинодомских проблем. В эту свою поездку он получил от А. М. Козловской еще часть семейного архива.

В настоящее время семейный архив Лонгиновых в РО ИРЛИ составляет фонд 158 (1066 ед. хр.), содержащий стихотворения, статьи, воспоминания, обширную переписку М. Н. Лонгинова; отложившиеся у него материалы С. А. Соболевского и других лиц; материалы по деятельности Н. М. Лонгинова на посту секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны и заведующего благотворительными и учебными заведениями, состоящими под покровительством императрицы Александры Федоровны, а также письма к нему разных лиц; документы А. М. Козловской и пр.

В 1920 г. у Пушкинского Дома идет активная переписка с еще одной наследницей историко-культурных материалов — с врачом из Вологды Надеждой Михайловной Гаршиной (урожд. Золотиловой), вдовой писателя Всеволода Гаршина. У Н. М. Гаршиной побывал Борис

³⁹ Из дневников Е. П. Казанович / Публ. В. Н. Сажина // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 166—167.

⁴⁰ Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому / Публ. Т. И. Краснобородько, при участии В. Р. Гофмана. С. 230.

Михайлович Энгельгардт — ее родственник; он осмотрел материалы, и 21 июня 1920 г. Пушкинский Дом выслал в Вологду охранный документ, по которому «книги, рукописи, портреты, равно как и обстановка кабинета покойного писателя Всеволода Михайловича Гаршина составляют собственность Пушкинского Дома при Р.А.Н. и состоят у нее (т. е. Н. М. Гаршиной. — *Т. И.*) на хранении впредь до того, когда окажется возможным по условиям транспорта перевезти их в Петроград» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 109). Тогда же Пушкинский Дом пишет письмо фондодержательнице, где выражается пожелание как можно быстрее получить рукописи писателя (там же, л. 115). 9 ноября 1920 г. в Отдел гражданского управления Петросовета идет письмо с просьбой выделить вагон-теплушку для перевозки из Вологды вещей В. М. Гаршина. Ответственным представителем Пушкинского Дома назначался Б. М. Энгельгардт (там же, л. 222—223). Поездка Б. М. Энгельгардта в Вологду, кажется, не состоялась. 13 января 1921 г. Пушкинский Дом соответствующее удостоверение выдал другому лицу — профессору Института истории искусств Петру Антоновичу Горчинскому. Ныне в РО ИРЛИ имеется гаршинский фонд (ф. 70), который насчитывает 274 единицы хранения: произведения писателя; его биографические материалы; переписка; материалы родственников.

В 1920 г. из Главархива (Москва) поступили разрозненные остатки погибшего в ходе революционных событий архива Е. А. Боратынского и А. А. Дельвига (из имени Мара Тамбовской губ.). Тогда же, вероятно, в Пушкинский Дом были переданы и материалы Казанского архива Боратынских. Первоначально эти материалы существовали как два отдельных фонда — ф. 32 (Боратынских — Дельвигов) и ф. 33 (Е. А. Боратынского). В 1995 г. оба фонда были переработаны и получили статус родового фонда Боратынских (ф. 33): письма разных лиц к Е. А. Боратынскому, письма А. А. Дельвига, семейная переписка их потомков и пр.

К концу 1920—началу 1921 гг. относится ряд документов, связанных с получением из Москвы архива А. А. Фета. 25 декабря помечены командировочные удостоверения М. Л. Гофмана и его жены О. Н. Гофман-Никольской, служившей в Пушкинском Доме заведующей хозяйственной частью. Другой командировочный лист датирован 11 января 1921 г. и выдан на имя Варвары Николаевны Модзалевской, жены Б. Л. Модзалевского. Сохранилась и недатированная телеграмма Б. Л. Модзалевского к Барабановой, владелице материалов: «Пушкинский Дом просит вас подготовиться перевозу архива Фета Петроград <.> Официальное удостоверение доставит понедельник или вторник Гофман <.> Просим не задерживаться отъездом столицы» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 149).

Пушкинский Дом притягивал к себе не только культурные силы России, но и тех представителей русской интеллигенции, кто волею судеб покинул родину. 28 августа 1920 г. Сергей Владимирович Штейн, бывший сотрудник Пушкинского Дома, хранитель его Музея, эмигри-

ровавший, по-видимому, в 1919 г. вместе с войсками Юденича, с оказией шлет Б. Л. Модзалевскому письмо следующего содержания:

Дорогой Борис Львович!

Жив, здоров и пользуюсь оказией, чтобы написать Вам. Нахожусь по-прежнему в Ревеле, доцентствую в Юрьеве и думаю о моих литературных друзьях, оставшихся в Петрограде.

Обращаюсь к Вам с рядом покорнейших просьб:

1) Если признаете за благо, то дайте мандат на соби́рание материалов для Пушкинского Дома. Здесь существуют возможности, которые, однако, преходящие и потому нужно торопиться. Мандат прошу дать на имя приват-доцента Дерптского университета по кафедре истории русской литературы Сергея Владимировича фон Штейна.

2) Попросите Нестора Александровича⁴¹ дать мне рекомендацию, в которой было бы желательно прописать, что ему известны мои труды в области истории русской литературы, что я работал под его руководством etc. — все что полагается. У меня есть шансы получить штатное место в Юрьевском университете (штатную доцентуру) и письмо Нестора Александровича может мне очень помочь.

3) Прошу принять от меня в дар мою семейную переписку (с 1816 г.) и включить ее в состав рукописных собраний Пушкинского Дома. В переписке этой имеются письма Фета, Гаршина, Вл. Соловьева, Потемни и др.; кроме того она любопытна в бытовом отношении. Ныне переписка эта хранится у бывшей жены моей Екатерины Вл. — по второму мужу Голлербах, жит<ельствующей?> в Царском Селе по Пешковской ул. в доме № 27. О своей воле по поводу переписки я поставил ее в известность.

4) Окажите содействие подателю этого письма, интересующемуся миниатюрами. С ним Вы можете быть вполне не <одно слово нрзб.>, но откровенным.

Знаете ли Вы, что здесь Эр. П. Юргенсон?⁴²

Оплакал кончину Ал. Ал. Шахматова.⁴³ Напишите, если будет время, о подробностях его смерти. Что Академия и Пушкинский Дом?

Стану ждать с нетерпением от вас известий. Мандат и рекомендацию было бы желательно получить через подателя этого письма. И то, и другое будет предъявлено лишь туда, куда это следует.

Мой привет Вашей супруге и всем домашним. Почтительнейший поклон дорогому Нестору Александровичу и привет всем, кто в Пушкинском Доме.

Обнимаю Вас. Душевно Ваш С. Штейн.

(ПФА РАН, ф. 150, оп.1 (1920), № 2, л. 166)

⁴¹ Имеется в виду *Нестор Александрович Котляревский*.

⁴² *Юргенсон Эрнест Петрович* (1891—до 1932) — коллекционер автографов (см.: РО ИРЛИ, ф. 352 (И. И. Ясинский), оп. 3, № 225 — список «Собрание автографов Э. П. Юргенсона. Отд. III. Россия. Литература», машинопись, 22 л.). Находился в переписке с Л. Э. Бухгеймом, М. В. Ватсон, А. А. Измайловым, Ф. Сологубом, И. А. Шляпкиным и др.

⁴³ Академик *Алексей Александрович Шахматов* скончался 16 августа 1920 г.

Нам неизвестно, каковы были результаты поисков С. В. Штейном русских историко-культурных материалов в Эстонии, но его собственный семейный архив, находившийся в Петрограде, в конце концов попал по назначению в Пушкинский Дом. Осенью 1920 г. Пушкинский Дом вступил в переговоры с Екатериной Владимировной Штейн, и 24 ноября она выразила согласие передать 24 переплетенных тома семейной переписки (там же, л. 197, 230). В настоящее время в РО ИРЛИ имеется фонд Штейна Владимира Ивановича (1852—1900), письмоводителя канцелярии Академии наук, цензора Центрального комитета иностранной цензуры, отца С. В. Штейна (ф. 541). В фонде отложились документы за 1816—1908 гг.

В Архиве Академии наук сохранился еще один документ, свидетельствующий о скрытых связях Пушкинского Дома с русскими эмигрантами — заявление профессора Гельсингфорского университета Константина Ивановича Арабажина (1866—1929), создателя эмигрантского общества «Русская колония в Финляндии», согласно которому он передает библиотеку и рукописи из своей бывшей петроградской квартиры Академии наук. Заявление помечено 30 августа 1920 г. Судьба этих материалов неизвестна.

В 1920—1922 гг., наряду с активно продолжающимся комплектованием Рукописного отдела, происходили также очень важные процессы по воссоединению пушкинодомских материалов, по разным причинам оказавшихся в других учреждениях и даже городах.

Как уже указывалось выше, в октябре 1917 г. пушкинские, лермонтовские и некоторые другие рукописи, составившие пять пакетов, были эвакуированы в Москву и сданы на хранение в Исторический музей. Резэвакуация состоялась лишь в ноябре 1920 г. (мы придерживаемся этой даты, названной в цитируемом ниже письме Пушкинского Дома от 13 марта 1922 г. в Исторический Музей, хотя в других документах называется декабрь 1920 г. и даже 1921 г.). При возвращении материалов произошла накладка с рукописями Лермонтова. Из сохранившихся документов следует, что из одного из пушкинодомских пакетов лермонтовские рукописи вынимались уже в Москве для исследовательских работ и передавались на временное хранение в Бахрушинский музей. В ноябре 1920 г. вынутые рукописи в Петроград не вернулись. В начале 1922 г. в связи с намечавшимися планами работ в Госиздате возникла острая надобность в их исследовании. Тогда-то пушкинодомцы и начали активные поиски затерявшихся материалов.

В феврале 1922 г. Н. В. Яковлев отправился в Москву, чтобы прояснить этот вопрос. Дальнейшие обстоятельства этой истории запечатлены в его письме к Б. Л. Модзалевскому от 20 февраля:

«Спешу известить Вас через Сергея Федоровича,⁴⁴ что лермонтовских рукописей здесь нет!? Я был сперва у А. А. Бахрушина.⁴⁵ Оказа-

⁴⁴ Имеется в виду *Сергей Федорович Ольденбург* (1863—1934), непрменный секретарь Академии наук, который, по-видимому, одновременно с Н. В. Яковлевым находился в Москве и собирался раньше его возвращаться в Петроград.

⁴⁵ *Бахрушин Алексей Александрович* (1865—1929) — предприниматель, меценат, коллекционер. Основатель Театрального музея в Москве (ныне: имени А. А. Бахрушина).

лось, что он немедленно, в том же 1918 г., вернул их обратно в Исторический Музей, в делах которого сохранилась и его сопроводительная бумага. При ней есть постановление коллегии Музея — присоединить рукописи к академическим пакетам. Пакеты же эти, сданные Рышковым⁴⁶ в 1918 г.⁴⁷ в числе 5, в декабре 1920 г. в том же числе пяти приняты Мацулевым⁴⁸ (зам. директора Эрмитажа по мандату С. Ф. Ольденбурга) для эвакуации в Академию. Затем Вл<адимир> Андр<еевич> Стеклов⁴⁹ мне здесь сообщил, что в начале прошлого года ими были вскрыты в Физической лаборатории доставленные пакеты, причем часть вещей поступила к ним, часть — в Славянское отделение (бумаги Шептицкого),⁵⁰ часть — в кассу Рышкову (медали, медальоны), часть — нам, в Пушк<инский> Дом (перстень и перо Пушкина — некоторых же вещей не оказалось, как напр<имер>, платинового кольца (колье? нрзб. — Т. И.) Ломоносова. Остается два предположения: или рукописи случайно не были дополнительно приложены к академическим пакетам и попали, напр<имер>, в рукописное отделение Ист<орического> музея, что я и постараюсь здесь еще выяснить у Тарабрина;⁵¹ или затерялись как-нибудь между Физич<еской> лабораторией и нами, что необходимо немедленно же выяснить у Трофимова,⁵² на котором лежало, по словам Влад<имира> Ан<дреевича>, исполнение дела. Поговорить сейчас же с Трофимовым, не дожидаясь моего приезда, я и хочу просить Вас. Рассчитываю выехать в среду и хотел бы надеяться, что к моему приезду они хоть у нас найдутся, чтобы можно было сделать вид, что они привезены мною. Иначе не знаю, как и показаться в Госиздат. А главное, неужели они действительно потерялись?! Иду опять в Ист<орический> Музей. Там полный хаос. Места, кажется, много, народу тьма, а добиться толку очень трудно. При-

⁴⁶ Рышков Владимир Александрович (1865—1938) — чиновник особых поручений при Академии наук. Горячий сторонник Пушкинского Дома. См.: В. А. Рышков и его «Дневник» / Публ. В. П. Степанова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 119—159.

⁴⁷ Ошибка Н. В. Яковлева: пушкинодомские рукописи были эвакуированы в Москву осенью 1917 г.

⁴⁸ Мацулевич Леонид Антонович (1886—1959) — искусствовед, историк материальной культуры. В пореволюционный период — член Совета Эрмитажа, заместитель директора, хранитель византийских древностей. В ноябре 1920 г. участвовал в эвакуации эрмитажных ценностей из Москвы (Исторический музей, Оружейная палата, Большой Кремлевский дворец) в Петербург. См.: Пиотровский Б. Б. История Эрмитажа: Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000 (по именному указателю).

⁴⁹ Стеклов Владимир Андреевич (1863—1926) — математик, физик, академик. Руководитель Физической лаборатории Академии наук, преобразованной в 1921 г. в Физико-математический институт. В 1920 г., то есть в описываемое время, лаборатория размещалась в здании Академии наук.

⁵⁰ Имеются в виду процентные бумаги, завешанные Шептицким Академии наук.

⁵¹ Тарабрин Иван Мемнонович — хранитель отделения архива историко-бытовых материалов в Государственном историческом музее. См.: Научные работники Москвы. Л., 1930. С. 277.

⁵² Трофимов Сергей Никитич — сотрудник Пушкинского Дома первого послереволюционного состава. В списках на 1 июля 1919 г. значится хранителем рукописей; затем был хранителем книжных собраний. Оставил службу 15 декабря 1920 г.

ходится употреблять максимальное давление» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 2, л. 6).

Н. В. Яковлеву в эту поездку в Москву так ничего и не удалось выяснить о судьбе затерявшихся лермонтовских материалов. 13 марта 1922 г. Пушкинский Дом шлет в Исторический музей письмо следующего содержания:

«Ввиду постоянных требований Государственного издательства Пушкинский Дом настоящим вторично просит о розыске недостающих рукописей Лермонтова.

Хотя принятые Историческим музеем в октябре 1917 г. на хранение пять пакетов Академии были затем, в ноябре 1920 г. возвращены Академии через посредство заместителя директора Эрмитажа Мацулевича в том же количестве (пяти), но упомянутые рукописи, находившиеся первоначально в пакете 2067, вынутые затем из него осенью 1918 г. для занятий Н. Халабаева⁵³ и Б. М. Эйхенбаума⁵⁴ в Бахрушинском музее и возвращенные тогда же А. А. Бахрушиным защитыми в холст и опечатанными печатью Музея, — должны были составить дополнительный шестой пакет, который командированный Академией В. А. Рышков видел действительно в декабре 1918 г. лежащим на подоконнике в кладовой, имеющей дверь, пожертвованную кн. Щербатовым.

Прошу срочно проверить это указание В. А. Рышкова и пакет передать предъявителю сего, ученому хранителю Пушкинского Дома Модесту Людвиговичу Гофману» (там же, л. 14; черновик).

В конце концов дело с лермонтовскими рукописями разрешилось благополучно. Они действительно оказались в названном шестом пакете. 19 апреля 1922 г. в Петрограде был составлен акт о вскрытии этого пакета:

«Мы, нижеподписавшиеся, ст<арший> ученый хранитель Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевский, ученые хранители М. Л. Гофман и Н. В. Измайлов, научный сотрудник П. М. Устимович и управляющий делами Л. Н. Перетц составили настоящий акт в том, что в доставленном из Москвы М. Л. Гофманом пакете с надписью: „Собственность Российской Академии наук. К отношению Литературно-театрального музея Российской Академии Наук имени Алексея Бахрушина в Москве за № 264“, оказалось: 1) Шесть тетрадей разных произведений Лермонтова, общим количеством 122 (сто двадцать два) листа; 2) Рукопись драмы „Странный человек“ (38 листов); 3) № 13, 21 и 58 отд. III Лермонтовского Музея Николаевского Кавалерийского Училища, содержащие четыре копии с рисунков Лермонтова, копии всех рисунков Лермонтова из альбома «Livre de poésies» А. Верещагиной и рисунки Н. Поливанова. 19 апреля 1922 г. Петроград. Вскрытие пакета происходило в присутствии нижеподписавшихся, удостоверившихся пред-

⁵³ Имеется в виду *Константин Иванович Халабаев*, специалист по творчеству Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Салтыкова-Щедрина.

⁵⁴ *Эйхенбаум Борис Михайлович* (1886—1959) — литературовед, критик, специалист по творчеству Лермонтова, Тургенева, Л. Толстого.

варительно в целости и сохранности печати Бахрушинского музея» (там же, л. 31).

Летом 1921 г. была реэвакуирована и та часть пушкинодомских рукописей, которая осенью 1917 г. была отправлена в Саратов. Возвращением материалов занимался А. П. Штакельберг, состоявший в то время на должности хранителя помощника Музея. Сохранилось выданное ему удостоверение от 22 июня 1921 г.: «Дано сие помощнику хранителя Музея Пушкинского Дома Александру Павловичу Штакельбергу в том, что срок его командировки в Саратов (для укладки и реэвакуации в Петроград рукописей Пушкинского Дома, эвакуированных в Саратов в 1917 г.), продолжен до 10 августа 1921 г.» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 214).

Осенью 1922 г., освоив здание Архива Таможенного департамента на Тифлисской улице, Пушкинский Дом поднял перед Академией наук вопрос о передаче ему, согласно завещанию великого князя Константина Константиновича, архива покойного президента Академии наук. Так как Пушкинский Дом до сих пор не имел собственного помещения, архив К. Р., как и завещал покойный, с 1915 г. хранился в Библиотеке Академии наук. Вопрос об этом архиве, в котором находились рукописи А. С. Пушкина и других выдающихся деятелей русской культуры и истории, решался на Общем собрании Академии 14 октября 1922 г. А уже 26 декабря Пушкинский Дом официально поручает своему хранителю Н. В. Измайлову принять из БАН под расписку материалы К. Р. (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1915), № 1, л. 51 — доверенность на имя Н. В. Измайлова). Литературный архив Константина Константиновича, включая пушкинские рукописи, оказался в Пушкинском Доме (в здании на Тифлисской ул.), по-видимому, в начале 1923 г. В отчете Академии за 1923 г. говорится: «Обращаясь к Рукописному отделению (Пушкинского Дома. — *Т. И.*), надо отметить ряд особенно ценных в него поступлений, среди которых на первом месте следует отметить собрание рукописей Пушкина, завещанное Дому покойным Президентом Академии поэтом К. Р. (12 автографов Пушкина и альбом Ю. Н. Бартенева с автографом Пушкина)».⁵⁵

Собрание пушкинских автографов, хранившееся у великого князя Константина Константиновича, весьма интересно. Это стихотворение «Певец! Когда перед тобой...», посвященное А. С. Пушкиным поэту-слепцу И. И. Козлову. Этот автограф Александра Ивановна Козлова (1812—1903), дочь поэта, подарила Константину Константиновичу в феврале 1899 г. Великому князю принадлежал также альбом Юрия Никитича Бартенева (1792—1866) с автографами многих русских деятелей культуры. А. С. Пушкин 30 августа 1830 г. сюда вписал стихотворение «Мадонна» («Не множеством картин бессмертных мастеров...»). После кончины вице-президента Академии наук Леонида Николаевича Майкова (1839—1900) его вдова, Александра Алексеевна Майкова

⁵⁵ Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1923 год / Сост. С. Ф. Ольденбург. Л., 1924. С. 111. Подробнее см.: *Иванова Т. Г.* К истории архивного фонда великого князя Константина Константиновича в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 23—46.

(1841—1915), подарила Константину Константиновичу часть майковской коллекции пушкинских автографов. Среди материалов, которые перешли к К. Р., оказались беловые и черновые автографы стихотворений «Муза» («В младенчестве моем она меня любила...»), «Анчар», «Ямб» («Поэт по лире вдохновенной...»), «Сонет» («Поэт, не дорожи любовью народной...»), «Клеветникам России» и др. Всего 12 автографов. Сейчас все эти материалы находятся в фонде А. С. Пушкина (ф. 244).

Помимо пушкинских автографов Константин Константинович владел также одним автографом М. Ю. Лермонтова — письмом поэта к Марии Александровне Лопухиной. Как и пушкинские материалы, этот автограф позднее был выведен из состава фонда К. Р. и передан лермонтовскому фонду (ныне: ф. 524).

Однако значительная часть коллекции Константина Константиновича осталась в материалах его личного фонда (ф. 137). Это автографы Екатерины II, письмо митрополита Платона (Левшина) императору Павлу I, автограф стихотворения Ф. И. Тютчева «А. К. Плетневой» («Чему бы жизнь нас не учила...»), письмо Гете к госпоже фон Фогт, письмо Шиллера к Фридерике Грисбах и др.

Большой интерес представляет личный литературный архив К. Р. — рукописи его стихотворений, переводов, отзывов на произведения других авторов, переписка с деятелями культуры.⁵⁶

Таким образом, в 1922 г. Пушкинский Дом постарался вернуть в свои стены все материалы, которые принадлежали ему к моменту революции.

Несколько слов необходимо сказать об издательской деятельности Пушкинского Дома в 1917—1922 гг. «Временник Пушкинского Дома», начавший выходить в предреволюционные годы, к сожалению, по причине финансовых трудностей, возникших у Академии во время Первой мировой войны, был прекращен. В 1917 г. успел выйти в свет первый пушкинодомский труд монографического характера. Это была книга, подготовленная В. Н. Княжниным «Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии» (Пг., 1917), вводящая в научный оборот целый ряд новых документов.

В том же году вышел второй выпуск стороннего издания — «Невского альманаха», в котором был раздел «Из собраний Пушкинского Дома при Академии наук».⁵⁷ Б. Л. Модзалевский здесь опубликовал тридцать четыре письма И. А. Гончарова к Ю. Д. Ефремовой (продолжение его публикации во «Временнике Пушкинского Дома. 1914»). Эти материалы были получены от дочери Юнии Дмитриевны Ефремовой Ю. А. Пухальской. Вторая публикация Б. Л. Модзалевского — три письма И. С. Тургенева к М. А. Языкову, полученные Пушкинским Домом от дочери адресата Александры Михайловны Языковой.

⁵⁶ Часть переписки К. Р. опубликована: К. Р. Избранная переписка / Изд. подгот. Е. В. Виноградова, А. В. Дубровский, Л. Д. Зародова, Г. А. Крылова, Л. И. Кузьмина, Н. Н. Лаврова, Л. К. Хитрово. СПб., 1999.

⁵⁷ Невский альманах: «Из прошлого» (Писатели, художники, артисты). Жертвам войны. Пг., 1917. Вып. 2.

Из архива Московского цензурного комитета Пушкинский Дом получил сцены из драмы «Раскольник» Ф. М. Решетникова, которые в свое время были подготовлены к печати Г. И. Успенским, а в «Невском альманахе» опубликованы все тем же Б. Л. Модзалевским. Он же является автором предисловия к публикации карикатур художника Николая Александровича Степанова (1807—1877) на К. П. Брюллова, М. И. Глинку, Н. В. Кукольника, В. Г. Бенедиктова и др.

Кроме Б. Л. Модзалевского в издании участвовали В. Н. Княжнин (письмо А. А. Григорьева к А. Н. Майкову), В. Евгеньев (письма Н. А. Некрасова к Н. А. Степанову), Е. П. Казанович (письма К. Д. Кавелина к Марко Вовчок), В. Каратыгин (письма М. И. Глинки к А. С. Даргомыжскому и Н. А. Степанову и письма А. Н. Серова к А. С. Даргомыжскому). Последний материал был вывезен из Гродно во время эвакуации (по причине Первой мировой войны) Александром Сергеевичем Степановым, внуком Н. А. Степанова, который был женат на сестре А. С. Даргомыжского.

Еще одной издательской площадкой для Пушкинского Дома в это сложное время стал журнал «Вестник Европы». В январском (№ 1) и мартовском (№ 3) номерах за 1917 г. также появилась рубрика «Из собраний Пушкинского Дома при императорской Академии наук».⁵⁸ Здесь В. Н. Княжниным был опубликован ряд документов, касающихся А. А. Григорьева (два его письма и «Листки из рукописи скитающегося софиста»). Материал, подготовленный Б. Л. Модзалевским, содержал письма К. Д. Кавелина к Александру Ильичу Скребницкому (1827—1915), поступившие в Пушкинский Дом из Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым вместе с архивом последнего (ф. 284).

В 1918 г. свои страницы для публикации пушкинодомских коллекций предоставил еще один журнал — «Нива» (№ 40—43 — тургеневские номера).⁵⁹

Дальнейшие политические события надолго прервали публикаторскую деятельность Пушкинского Дома. И только в 1921 г. выходят два каталога выставок, организованных в особняке Абамелек-Лазаревых.⁶⁰

Следующий же, 1922 год, стал необычайно плодотворным в области публикаций — вышло сразу 15 книг, многие из которых помечены грифом «Труды Пушкинского Дома». По жанру это путеводители по выставкам «Пушкин и его современники» и «Аполлон Григорьев», сборники публикаций новых материалов, посвященных одному персонажу (А. А. Дельвиг, В. Г. Короленко, А. И. Одоевский, А. С. Пушкин,

⁵⁸ Из собраний Пушкинского Дома при императорской Академии наук // Вестник Европы. 1917. № 1. С. 59—89; № 3. С. 127—212.

⁵⁹ Названные номера «Нивы» в библиотеках С.-Петербурга отсутствуют.

⁶⁰ *Беляев М. Д.* Выставка в память столетия со дня рождения Н. А. Некрасова в залах Пушкинского Дома при Российской Академии наук. Путеводитель. Пб., 1921; [*Модзалевский Б. Л.*] Выставка в память столетия со дня рождения Ф. М. Достоевского в Пушкинском Доме. Путеводитель. Пб., 1921.

Н. А. Некрасов, А. П. Чехов), и издания смешанного характера («Радуга», «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год»)⁶¹.

Как видим, архивные описания — жанр, освоенный пушкинодомцами в публикациях дореволюционного времени⁶² — в этот период подготовлены не были. И это неудивительно. 1917—1922 гг. — это время интенсивного спасения материалов в разоренной стране. В этот период важнее всего было найти архивы у их погибающих владельцев, привезти их в стены Академии наук и, по возможности, произвести самую первичную разборку.⁶³ На полноценную научно-техническую обработку, как она понимается современной архивистикой, у маленького коллектива Пушкинского Дома не было ни сил, ни времени.

Осенью 1922 г. начиналась новая страница в жизни Рукописного отдела Пушкинского Дома. Закончилась Гражданская война. Страна начинала жить если не сытно, то по крайней мере, не столь унижительно голодно, как во времена смуты. Рукописные сокровища, которым Б. Л. Модзалевский и его окружение посвятили свою жизнь, впервые расположились, пусть и не слишком вольготно, в собственном помещении. В Пушкинском Доме сложился коллектив единомышленников. Можно было в более или менее спокойной обстановке продолжать свое служение на поприще собирания и хранения историко-культурных документов.

⁶¹ См.: Пушкинский Дом: Библиография трудов / Сост. А. К. Михайлова. Л., 1981. С. 18—22.

⁶² См. описания, вышедшие в дореволюционный период: *Модзалевский Б. Л.* Описание рукописей Пушкина, находящихся в музее А. Ф. Онегина в Париже // Пушкин и его современники. СПб., 1909. Вып. 12. С. 7—47; *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. СПб., 1910 (Пушкин и его современники; Вып. 9—10); *Модзалевский Б. Л.* Список рукописей и некоторых других предметов, принадлежащих Пушкинскому Дому // Известия имп. Академии наук. Сер. 6. 1911. № 7. С. 509—537; *Княжнин В.* Архив Н. А. Добролюбова, принадлежащий Пушкинскому Дому. Описание // Временник Пушкинского Дома. 1913. СПб., [1914]. С. 1—77; *Модзалевский Б. Л., Казанович Е. П.* Описание рукописей, принадлежащих Пушкинскому Дому // Временник Пушкинского Дома. 1914. Пг., [1915]. С. 1—63; *Княжнин В.* Архив Н. А. Добролюбова (Дополнение) // Временник Пушкинского Дома. 1914. СПб., [1915]. С. 64.

⁶³ Результаты работы Рукописного отделения Пушкинского Дома отражены в изданиях: Пушкинский Дом при Российской Академии наук. Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924; Пушкинский Дом. Основан в 1905 году. Л., 1925.